

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Левин М.И., Матросова К.А.

**Разработка и исследование экономического поведения
домохозяйств в изменяющихся условиях**

Москва 2018

Аннотация. Домохозяйства как сложный экономический объект, состоящий из одного или нескольких агентов, является значимым участником функционирования и развития экономики. Взаимодействие лиц, принимающих индивидуальные и коллективные решения, существенно зависит от внутренних и внешних условий. Основные направления исследования включают в себя принятие решений семьей или домашним хозяйством о потреблении и сбережении, распределении времени и инвестиций в человеческий капитал, а также вопросы, связанные с браком, разводом, рождаемостью и выходом на пенсию. Целью нашего исследования являются исследование микроэкономических моделей, помогающих прогнозировать экономическое поведение домашних хозяйств в изменяющихся условиях как внутри семьи, так и вне ее.

Ключевые слова: микроэкономика, домохозяйство, экономика семьи, брак, инвестиции, институты, неформальная экономика

Summary. Household as a complex economic object consisting of one or more agents, is a one of the main participants in the economy. The interaction of individuals who make individual and collective decisions depends significantly on internal and external conditions. The main purposes of this research include the decision making by the family or household about consumption and savings, the resource allocation and investment in human capital, the issues related to marriage, divorce, birth and retirement. The aim of our research is to study microeconomic models that help predict the economic behavior of households in a changing conditions.

Key words: microeconomics, household, family economics, marriage, investment, institutions, informal economy

Левин М.И. заведующий кафедрой микроэкономического анализа экономического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Матросова К.А. старший преподаватель кафедры микроэкономического анализа экономического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Предпочтения и принятия решений в домохозяйстве и семье. Модели поведения домохозяйств	6
1.1 Принятие решений о перераспределении ресурсов. Модель расширенной семьи	6
1.2 Влияния пола и семейного положения на финансовые инвестиции	10
1.3 Модель торга и распределение в браке	13
1.4 Межвременное поведение домохозяйств	15
1.5 Принятие решений домохозяйствами в условиях риска и неопределенности.....	18
2 Исследование моделей формирования семьи и поведение на брачном рынке	23
2.1 Классические модели формирования семьи	23
2.2 Теория рационального брака и развода.....	24
3 Инвестиции в человеческий капитал, отдача от образования.....	31
3.1 Дети и структура семьи.....	31
3.2 Инвестиции в человеческий капитал, карьера и брак: динамическая модель	33
3.3 Влияние брачного рынка на отдачу от высшего образования	35
3.4 Влияние субъективных ожиданий на инвестиции в образование, отдачу от рынков труда и брака	36
4 Модели, учитывающие традиции и нормы поведения членов домохозяйств в различных сообществах	38
4.1 Трансферты семьям и трансферты сообществу	38
4.2 Влияние права на принятие решений домохозяйством и его членами	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	45

ВВЕДЕНИЕ

Домохозяйства как сложный экономический объект, состоящий из одного или нескольких агентов, является значимым участником функционирования и развития экономики. Взаимодействие лиц, принимающих индивидуальные и коллективные решения, существенно зависят от внутренних и внешних условий. Основные направления нашего исследования включают в себя принятие решений семьей или домашним хозяйством о потреблении и сбережении, распределении времени и инвестиций в человеческий капитал, а также вопросы, связанные с браком, разводом, рождаемостью и выходом на пенсию. Рассматривается, как экономические решения, сделанные на уровне домашних хозяйств, влияют на общество в целом.

Актуальность. Экономика домашних хозяйств является одной из традиционных, но в тоже время быстро развивающихся областей экономической науки. Она включает в себя в частности вопросы экономики труда, экономики общественного сектора, микроэкономики. В настоящее время домохозяйство или семья, рассматриваемая как система, включает в себя принятие решений на индивидуальном и коллективном уровнях с учетом сложной структуры домохозяйства (родители-дети, несколько поколений). Основными рассматриваемыми вопросами являются распределение бюджетов, трудозатрат внутри семьи, участие на рынке рабочей силы, получение образования, совместное использование собственности, информации и других ресурсов, и многое другое. Неопределённость и риск часто являются значимыми факторами, которые учитываются семьей при принятии решений. В свою очередь риск, неопределенность, ожидания, а значит, и принимаемые решения, могут являться следствием изменяющихся условий, в которых функционирует семья. Работ, связанных с переходными процессами внутри семьи (старение, рождение ребенка, смерть одного из членов семьи, заключение брака, развод, смена работы), относительно немного. Как правило, рассматриваются стабильные (при внутренних и внешних условиях) состояния до и после, а не в процессе и не с учетом процесса перехода из одного состояния в другое. Часто меняющиеся условия моделируются с помощью многопериодных моделей, которые, однако, не учитывают на микроуровне последствия шоков: субъективных или объективных,

внутренних или внешних. Одним из подходов к описанию меняющихся условий и их последствий является теория рациональных ожиданий.

Целью являются исследование микроэкономических моделей, помогающих прогнозировать экономическое поведение домашних хозяйств в изменяющихся условиях как внутри семьи, так и вне ее.

Работа структурирована следующим образом. В первом разделе описываются последние исследования, связанные с поведением домохозяйств при изменяющихся внешних и внутренних условиях. Во втором разделе рассматриваются модели формирования семьи и поиска партнера, а также теорию рационального брака и развода. Третий раздел посвящен моделям инвестиций в человеческий капитал, а именно тем, в которых инвестиции поступают от других членов домохозяйства или решениям об уровне собственных инвестиции (в высшее образование). Все эти исследования включают довольно широкий перечень факторов, способных описать и/или предсказать действия отдельных индивидов или домохозяйства при различных условиях. Однако остаются не учтенными характеристики, связанные с социальным окружением, в котором живет домохозяйство. В четвертом разделе мы остановимся на влиянии формальных и неформальных институтов на принятие решений домохозяйством или отдельными его членами.

1 Предпочтения и принятия решений в домохозяйстве и семье.

Модели поведения домохозяйств

Экономические модели поведения домохозяйств включают в себя несколько основных направлений: решения о структуре и составе домохозяйства, о распределении ресурсов и производстве, в том числе инвестициях в человеческий капитал, и т.д. Сначала обсуждается модель расширенного домохозяйства, в ней рассматривается роль членов семьи в принятии решений о перераспределении ресурсов с учетом существующего распределения ресурсов, демографического состава, условий жизни и выбора места проживания членов семей. Далее будет обсуждаться еще один немаловажный вопрос, а именно как пол, семейное положение и изменения в семейном положении влияют на финансовые инвестиции, или, более подробно, какое значение оказывает смена семейного положения (брак, развод) на распределение рисков дохода в домохозяйствах (по материалам Christiansen, Joensen, Rangvid, 2015 [1]). В третьем подразделе обсуждаются коллективные модели. В последнем – принятие решений в условиях риска и неопределенности.

1.1 Принятие решений о перераспределении ресурсов. Модель расширенной семьи

Существует большой пласт литературы о взаимодействиях семьи и отдельных лиц в области экономики и социологии, начиная с Becker (1973 [2], 1974 [3], 1991 [4]). Самая простая модель домашнего хозяйства или семьи рассматривает объект как единое целое – унитарная модель – и предполагает, что все члены действуют в одних и тех же параметрах, выбирают одинаковые товары и услуги (то есть имеют идентичные предпочтения), или один из членов семьи ведет себя так, как если бы он или она являлся диктатором, который принимает решения за всех. Преимущество подобной модели заключается в ее простоте и относительной легкости анализа. Издержки предположения об однородности предпочтений лежат в основе модели и, безусловно, являются сильным допущением. Очевидно, что согласно предположениям унитарной модели, эффекты дохода от перераспределения ресурсов должны быть одинаковыми для всех лиц в группе.

В начале 1980-х годов были также предложены альтернативные подходы к поведению домохозяйств. Например, в работах McElroy, Marjorie, Horney (1981) [5] и Manser, Brown (1980) [6] предлагается способ моделирования принятия решений в виде кооперативной игры Нэша или моделей торга (см. также Lundberg, Pollak, Wales, 1998 [7]).

В данном разделе рассматривается роль членов семьи в принятии решений о перераспределении ресурсов с учетом существующего распределения ресурсов, демографического состава, условий жизни и выбора места проживания членов семей. Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] представляют новый подход к исследованию наблюдаемых комбинаций распределенных ресурсов, степени и характеру связей между членами семьи, не являющимися сожителями, в том числе между членами «расширенных» семей. Их исследование продолжает направление других работ, таких как Altonji, Hayashi и Kotlikoff (1992 [9], 1996a [10], 1996b [11] и 1997 [12]), рассматривающих роль, которую играют ресурсы членов семей, не являющихся сожителями, в выборе потребления. В более ранних работах было выявлено, что ресурсы расширенной семьи определяют потребление пищи в собственном доме респондента, но отказываются от последствий модели, в которой члены расширенной семьи абсолютно альтруистичны. Это наблюдательно эквивалентно отказу от унитарной модели для всего расширенного семейства. В подобном ключе Сох (1987) [13] рассматривает конкурирующие модели межпоколенческих трансфертов и пытается определить мотивы этих внутрисемейных межхозяйственных переводов. Он находит доказательства того, что строго альтруистические мотивы не согласуются с данными, указывая на необходимость более полной и сложной модели динамических взаимодействий поведения расширенной семьи.

Значительная часть эмпирических работ, которые проверяют модели поведения домохозяйств, семей и деревень, основывается на данных из развивающихся стран. Проверяется, может ли группа домохозяйств, определяемая как живущая в близкой географической близости (деревне) или связанная кровью (семья), эффективно делить риск (Townsend 1994 [14]; Udry 1994 [15]; Ravallion, Chaudhuri 1997 [16]). Данные свидетельствуют о том, что домохозяйства оказывают помощь и страхуют друг друга в случае непредвиденных потрясений, но домохозяйства не в полной мере страхуют себя от особого риска. Группы домохозяйств, у которых есть связь помимо простого

проживания рядом друг с другом, например семья, с большей вероятностью застраховывают друг друга (Fafchamps, Lund 2003 [17]). Тесты распределения рисков между домохозяйствами часто отклоняют эффективность совместного использования, тогда как тесты, основанные на решениях внутри домохозяйств, редко отклоняют эффективность.

Существует много причин, по которым домохозяйства, семьи и деревни не могут эффективно распределять ресурсы (по Парето). Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] обобщили возможные причины.

– вполне возможно, что индивиды в определенном подразделении могут быть не склонны к кооперации (Pollak, Lundberg, 1993 [18]). Если члены семьи могут участвовать в повторной игре в течение многих периодов, возможно, их поведение будет сходиться к кооперативному равновесию. Однако, учитывая, что выход (например, развод) является одним из вариантов, не ясно, как это скажется на индивидах внутри домохозяйства, семьи или деревни;

– распределения могут быть неэффективными при наличии информационной асимметрии, и некоторые данные свидетельствуют о том, что

1) отдельные лица пытаются скрыть ресурсы в домашних хозяйствах, семьях и деревнях (Ashraf, Karlan и Yin, 2006) [19], или

2) родители могут скрывать свои предпочтения (степень альтруизма) от потомства, чтобы действовать стратегически (НАО, Hotz и Jin, 2008) [20];

– в динамической модели, в которой ресурсы распределяются в одном периоде с учетом ожиданий *quid pro quo* (услуга за услугу) будущего периода, крайне важно, чтобы контракты исполнялись. Контракты внутри семей, как известно, трудно обеспечить соблюдением. Это может привести к тому, что распределения будут *ex ante* неэффективными или, после того, как действия будут совершены, будут *ex post* неэффективными (Coate, Ravallion, 1993 [21]; Foster, Rosenzweig, 2001 [22]; Mazzocco, 2007 [23]). Особый случай возникает, когда распределение ресурсов зависит от будущих действий, и существует возможность, чтобы, по крайней мере, одна из сторон не выполнила эти обязательства.

Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] обнаружили, что распределение ресурсов в расширенных семействах не согласуется с положениями эффективной модели. Эти тесты не позволяют выделить причины отклонения от эффективности. Однако их результаты предлагают возможные объяснения. В частности, Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8]

обнаружили, что когда речь идет об инвестициях в образование и жилье, эффективность отвергается. Когда такие инвестиции не имеют большого значения, поведение расширенных домохозяйств согласуется с коллективной моделью.

В ходе исследования Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] было установлено, что распределение бюджета зависит не только от ресурсов домохозяйства, но и от ресурсов, не проживающих вместе членов семьи. В то время как расширенные семьи разделяют ресурсы, влияние этих ресурсов зависит от родственных отношений между членами семьи, демографического состава домохозяйств и целей главы семьи. Кроме того, источник средств – будь то ресурсы из домохозяйства родителей или из домохозяйства ребенка – зависит от того, как ресурсы распределяются между различными подгруппами товаров.

Включение многодетных семей в эмпирические модели потребительского поведения домохозяйств не является однозначным. Рассмотрение расширенной семьи как единого целого однозначно отвергается. Более общая модель, которая более привлекательна с теоретической точки зрения, предполагает, что распределение ресурсов является Парето-эффективным. Эта гипотеза также отвергается в исследовании [8].

Разбираясь с взаимоотношениями между домохозяйствами внутри расширенной семьи и изучая влияние ресурсов в руках на совместно проживающих членов семьи, авторы [8] исследовали, какой состав домохозяйства оказывается выгоднее. Среди семей со старшими родителями и членами семьи (предположительно детьми) в возрасте от 19 до 25 лет, большее число ресурсов в руках главы родительского домохозяйства (и, следовательно, бабушки и дедушки 19-25 летнего внука/внучки) связано с повышенным уровнем расходов на образование. Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] интерпретировали это как то, что бабушки и дедушки, скорее всего, предоставляют ресурсы, которые позволяют инвестировать в высшее образование. Эти результаты не зависят от доходов домохозяйства – это будет отражено в их собственном уровне ресурсов; ими движут не прямые расходы на воспитание внуков, которые будут отражены в их собственных расходах на образование и расходах на образование рассматриваемого домохозяйства. Скорее, результат отражает более тонкие, косвенные формы перераспределения ресурсов. Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] также считают, что родительские ресурсы

оказывают влияние на долю расходов на жилье среди семей, начавших свое существование и не имеющих маленьких детей.

Последние результаты особенно любопытны, поскольку они рассматривают природу распределения ресурсов между проживающими в одном месте родственниками. Кроме того, совместное проживание потенциально устраняет озабоченность по поводу асимметричной информации, которая является одним из основных препятствий для эффективного обмена ресурсами. С этой целью в исследовании Dalton, Hotz, Thomas (2014) [8] рассмотрена связь между распределением, ресурсами, составом семьи и обменом между не проживающими совместно членами семьи.

1.2 Влияния пола и семейного положения на финансовые инвестиции¹

Инвестиционные портфели домохозяйств и одиноких людей достаточно подробно исследуются последние 20 лет:

- Sunden, Surette (1998) [24], Agnew, Balduzzi, Sunden (2003) [25], и Jianakoplos, Bernasek (1998) [26] обнаружили, что женщины, и в частности, одинокие женщины, имеют менее рискованные портфели, чем мужчины.

- Love (2010) [27] и Bertocchi, Brunetti, и Torricelli (2011) [28] считают, что инвесторы в браке (и мужчины, и женщины) имеют более рискованные портфели, чем одиночные инвесторы.

- Bertaut и Halliasos (1995) [29], Bertaut (1998) [30], и Guiso, Haliassos, Jappelli (2003) [31] показывают, что брак увеличивает участие на фондовом рынке. То есть

- женщины, как правило, совершают менее рискованные финансовые вложения, чем мужчины,

- различия между мужчинами и женщинами более выражены для одиноких инвесторов, и

- инвесторы в браке берут на себя больше риска, чем одинокие инвесторы.

Как правило, влияние пола и семейного статуса на состав портфеля исследуется через сравнение поведения двух групп инвесторов (например, одинокие и замужние женщины) в один и тот же момент времени, обеспечивая тем самым оценку разницы

¹ По материалам работы Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1]

между финансовыми портфелями среднего инвестора с учетом различных брачных статусов.

Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1], в свою очередь, рассматривают, как изменение семейного статуса влияет на финансовые инвестиции. Они задаются несколькими вопросами:

- Влияет ли смена семейного положения – брак или развод – на портфель инвестиций и распределение богатства между более и менее рисковыми инструментами?
- Одинаково ли это влияние у мужчин и женщин?
- Влияет ли смена семейного положения на отношение к риску?

Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1] пытаются ответить на эти вопросы, исследуя причинно-следственную связь изменений в семейном положении и изменений в инвестиционных портфелях мужчин и женщин, используя подробный набор панельных данных, включающих изменения в рисках трудовых доходов домашнего хозяйства, связанных с семейным положением.

Подход, который использовали Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1], отличается от простого сравнения двух групп инвесторов в один момент времени. Во-первых, они смотрели, являются ли инвестиционные решения однородными по группам инвесторов или они являются гетерогенными в зависимости от степени изменений в риске, возникающих при изменении семейного статуса. Для этого анализируется, ведут ли себя пары с высокой степенью корреляции дохода иначе, чем пары, чьи доходы менее связаны между собой. Возможно, средняя разница между различными группами инвесторов не позволит выявить гетерогенность воздействия изменений в связи с семейным положением на финансовые портфели, если такие эффекты различаются между инвесторами в результате различий в рисках, поэтому корреляция покажет «скрытую» гетерогенность. В любом случае риск дохода важен для принятия решений о распределении портфеля, однако существуют только теоретические работы (Bodie, Merton, Samuelson 1992 [32]; Viceira 2001 [33]; Cocco, Gomes, Maenhout 2005 [34]), а эмпирические исследования недостаточно убедительны в силу небольшого числа данных на микро-уровне.

Во-вторых, в работе Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1] уделяется большое внимание эмпирической составляющей вопроса. По их мнению, одной из возможных проблем в связи со статическими кросс-половыми или кросс-брачными оценками в один момент времени является то, что поведение одиноких инвесторов может отличаться от

поведения тех же инвесторов в браке в ненаблюдаемых систематических ситуациях так, что ненаблюдаемые различия влияют как на склонность к браку, так и на распределение активов в портфеле. Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1] предлагают использовать эмпирическую стратегию, которая в зависимости от различных причин позволяет выявить последствия изменений в семейном статусе на портфель мужчин и женщин. Другими словами, авторы предлагают сравнивать изменения в финансовом портфеле одного и того же инвестора в течение долгого времени (то есть до и после брака / развода), контролируя при этом общие влияния через сравнение с поведением аналогичных инвесторов, у которых не меняется семейное положение. Это позволяет учесть систематические ненаблюдаемые факторы, влияющие на инвесторов аналогичным образом с течением времени.

Используя большой набор панельных данных, Christiansen, Joensen, Rangvid, (2015) [1] показали, как изменения в семейном статусе влияют на инвестиционное поведение на фондовом рынке мужчин и женщин в отношении их вовлеченности в фондовый рынок, а также рассмотрели влияние изменения брачного положения на уровень риска их инвестиционных портфелей. Приведем основные выводы:

- мужчины склонны уменьшать долю располагаемого богатства в составе рискованных активов (указывая, что брак заставляет мужчин совершать менее рискованные инвестиции), в то время как уже после развода наблюдается обратная тенденция. Для женщин все ровно наоборот. Можно сказать, что брак стимулирует риск для женщин и ограничивает риск для мужчин;

- во время совместного проживания финансовые решения корректируются таким образом, чтобы отражать предпочтения партнера по браку;

- и мужчины, и женщины увеличивают степень своего участия в фондовом рынке после заключения брака;

- мужчины сокращают свою вовлеченность в фондовый рынок после развода, а женщины нет. Возможно, брак освобождает экономические ресурсы и, следовательно, делает людей более склонными к оплате расходов за участие на фондовом рынке. Отдельное исследование может быть посвящено тому, каким образом парами принимаются инвестиционные решения не только для анализа переговорной силы, но и информации, поступающей от окружения.

Например Hong, Kubik, Stein (2004) [35] показали, как процесс обмена информацией между сверстниками влияет на склонность к риску. Christiansen, Joensen,

Rangvid (2008) [36] показали, каким образом перенятые знания от супруга с экономическим образованием влияют на степень вовлеченности в финансовые рынки.

Для дальнейших исследований представляется необходимой количественная оценка выгод и издержек брака с учетом изменений в финансовой и инвестиционной политике домохозяйства. Синергетический эффект брака может достигаться не только за счет специализации супругов, но и объединение доходов, информации и других ресурсов, а также распределение рисков. Аналогично необходимо учитывать переговорную силу каждого супруга. Заметим, что с появлением новых исследований растет спрос на «подробность» данных для эмпирической проверки гипотез.

1.3 Модель торга и распределение в браке

Первые модели в экономике домашних хозяйств или экономике семьи подразумевали, что семья действует как единый агент, руководствуясь некими групповыми предпочтениями, ограниченными совместным бюджетом. Исходя из этого, формировалась и социальная политика. Однако отдельные несистемные наблюдения показывали, что этот подход далек от реальности. И вопросы, которые остаются в сфере экономики семьи, – это, первое, как (и кем) принимаются решения о распределении благ внутри семьи; второе, как изменения в принятии решений повлияет на благосостояние каждого члена семьи; как изменяется поведение представителей домохозяйства в ответ на новые условия и т.п.

В работе Lundberg, Pollak, 1996 [1] авторы пытаются проследить становление тех подходов к моделированию домохозяйств, которые в настоящее время являются основными. Они начинают с примера дискуссии вокруг изменения социальной политики Англии в 1970х годах, когда универсальное детское пособие, которое состояло преимущественно в том, что снижало налог, который платит отец, был заменен на денежную выплату матери. Бытовало мнение, что данное изменение, по сути, касается только получателя выплат, что никак не изменит благосостояние семьи или ее членов: «Это лишь достанет деньги отцовского кармана в пятницу вечером и положит их в материнское портмоне в следующий вторник. Слабо похоже на схему, которая бы принесла выгоду ребенку, скорее просто убыток для отца». Конечно, ранние модели «общих предпочтений» предсказывают, что никаких значительных изменений не произойдет, однако эмпирические наблюдения и дальнейшие работы последних двадцати-тридцати лет опровергают это. Рассмотрим работу Lundberg, Pollak, 1996 [1].

В 1980-х годах разрабатывались модели, которые позволяют получить совокупные решения семьи из индивидуальных интересов членов семьи от момента создания (формально – заключения брака) до конца (развода, смерти). Например работы Manser, Brown (1980) [6] и McElroy, Marjorie, Horney (1981) [5], их модели накладывают меньше ограничений на поведение семьи, чем это делают модели общих предпочтений. Эмпирические исследования показывают, что модели общих предпочтений показывают несостоятельность в отношении экономики семьи. Некоторые исследования показывают сильную устойчивую связь между благосостоянием ребенка и относительным уровнем контроля матери над ресурсами семьи, что ставит новые вопросы о социальной политике и поддержки семьи.

В 1990-х годах стало очевидно, что модели общих предпочтений не дают удовлетворительных объяснений, как в теоретическом, так и в эмпирическом направлении. При этом гендерные исследования дали очередной толчок новым исследованиям на основе классических моделей.

В России не первый год ведутся дискуссии о роли так называемого материнского капитала для благосостояния семьи, способах реализации материнского капитала (жилье, образование матери, пенсия матери и т.д.), потому что, если налоговый вычет на детей может сделать любой из родителей, то материнский капитал можно потратить исключительно на мать.

По мнению Lundberg, Pollak, 1996 [1], модель торга в браке предполагает множество механизмов, через которые социальные нормы и институты могут повлиять на распределение между мужчиной и женщиной. Наиболее очевидный механизм – это социальные нормы, которые могут оказать эффект на предпочтения супругов. В моделях торга социальные нормы оказывают не прямой эффект, а в большей степени через статус-кво или благосостояние вне брака. В случае развода опека, правила поддержки ребенка и позиция в обществе разведенного мужчины и женщины будут среди параметров, которые определяют статус-кво, он же – отсутствие брака. Некооперативные исходы могут находиться под влиянием социальных норм разными путями. В моделях с множественными равновесиями, социальные конвенции могут предполагать фокальное точечное равновесие и механизм координации поведения без явного торга.

Модели торга внутри брака предполагают определенную теоретическую структуру моделей брака и развода: два агента, принимающих решения, с «подходящими» функциями полезности, выбирают стратегию с учетом четко определенных альтернатив. Таким образом, модель торга предоставляет возможность интеграции анализа распределения внутри семьи с задачей метчинга или поиска на рынке брака. Изменение в условиях торга внутри брака могут не только оказать влияние на существующие браки, но могут также изменить равновесие на рынке будущих браков. При определенных условиях такие рынки брака могут полностью нивелировать эффект социальной политики государства в адрес перераспределения благосостояния внутри семьи.

Lundberg, Pollak, 1996 [1] считают, что не существует универсальной модели брака, развода и внутрибрачного поведения, однако модель распределения благосостояния внутри брака, которая учитывает независимое принятие решений мужчины и женщины в браке (в том числе не/ кооперативное), являющееся необходимым для обобщенной модели.

1.4 Межвременное поведение домохозяйств

В предыдущих разделах мы проследили развитие моделей общих отношений коллективных моделей, характеризующихся индивидуальными предпочтениями членов семьи. В данном разделе обсуждаются модели межвременного выбора супругов внутри домохозяйства в браке. Для этого была выбрана работа Mazzocco (2007) [23]. В ней автору удалось протестировать три основные модели: стандартная унитарная модель, коллективная модель с полной эффективностью (модель полной эффективности) и коллективная модель без обязательств. А также проанализировать, какая из трех моделей лучше подходит для оценки программ, направленных на улучшение благосостояния членов домохозяйств (по мнению автора, было бы полезно заменить стандартную унитарную модель домохозяйства такой, которая допускает отсутствие обязательств). Остановимся на работе Mazzocco (2007) [23] подробнее.

Теоретическая и эмпирическая литература, о которой говорит Mazzocco (2007) [23], касающаяся межвременных решений домашних хозяйств предполагает, что домохозяйства ведут себя как отдельные агенты. Одним из основных недостатков подобного подхода является то, что влияние внутрисемейных обязательств на

межвременные решения не может быть проанализировано и протестировано. Основная цель работы Mazzocco (2007) [23] состоит в том, чтобы проверить, могут ли члены домохозяйств быть ответственными за будущее распределение ресурсов и проанализировать некоторые существующие социальные программы. С этой целью домохозяйство моделируется как группа агентов, принимающих решения.

Mazzocco (2007) [23] фокусируется на трех основных направлениях. Во-первых, разрабатываются две модели для характеристики межвременного поведения домохозяйств и влияния социальных программ на его членов. В обоих случаях члены домохозяйств характеризуются индивидуальными предпочтениями. В первой модели решения домохозяйств являются эффективными в том смысле, что они всегда *ex ante* на Парето граница. *Ex ante* эффективность требует, чтобы члены домохозяйств были в состоянии совершить/быть ответственными за будущее распределение ресурсов. Во второй модели, допущение о внутрисемейных обязательствах ослабляется. Каждая из моделей разъясняет важность понимания внутрисемейных обязательств в конструировании социальных программ. Если члены семьи могут формально или неформально фиксировать планы, только индивидуальные полномочия по принятию решений в момент основания домашнего хозяйства влияют на решения домохозяйств. Следовательно, любые социальные программы, предназначенные для изменения поведения домохозяйств путем изменения индивидуальных полномочий по принятию решений, скорее всего, потерпят неудачу. Наоборот, при отсутствии договоренностей/обязанностей решения домохозяйств зависят от полномочий по принятию решений в каждый момент времени. Это подразумевает, что социальные программы, которые меняют полномочия по принятию решений жены и мужа, могут изменить решения домохозяйств и благополучие членов семьи.

Во-вторых, Mazzocco (2007) [23] использует формальный тест обязательств. Он демонстрирует, что уравнения полной эффективности Эйлера сводятся к уравнению домохозяйства Эйлера без обязательств. Чтобы обеспечить интуитивное объяснение этих результатов, достаточно предположить, что коэффициент распределения является одной из переменных, влияющих на индивидуальную способность к принятию решений. При *ex ante* эффективности только индивидуальные полномочия по принятию решения в момент формирования домохозяйства могут влиять на решения домашних хозяйств. Как следствие, единственный набор коэффициентов распределения, объясняющий поведения домохозяйств, - это набор, содержащий переменные, известные или

предсказанные на момент формирования домохозяйства. Показано, что это имеет значение для бытовых уравнений Эйлера: коэффициенты распределения должны войти в уравнения домохозяйств Эйлера только взаимодействуя с ростом потребления. Если предположение об обязательствах смягчено, индивидуальные полномочия по принятию решений в каждом периоде могут влиять на поведение домохозяйства. Следовательно, на его решения может влиять реализация коэффициентов распределения в каждом периоде. Это подразумевает, что коэффициенты распределения должны войти в уравнения домохозяйств Эйлера, связанные не только с ростом потребления, но также непосредственно с будущим потреблением. Исходя из этого, внутрисемейное обязательство может быть проверено с использованием панели, содержащей информацию о потреблении.

В-третьих, показывается, что стандартная унитарная модель, в которой единственная функция полезности назначается всему домохозяйству, является частным случаем модели полной эффективности. Однако если предположение об обязательствах не выполняется, межвременной выбор домохозяйства не может быть представлен с использованием унитарной модели. Этот результат, вместе с результатами теста на приверженность, предполагает, что было бы полезно характеризовать решения домашних хозяйств для оценки социальных программ, предназначенных для изменения межвременного поведения домашних хозяйств.

Чтобы вывести тест на приверженность внутри домохозяйств работа Mazzocco (2007) [23] расширяет статическую коллективную модели, введенные Chiappori (1988 [37], 1997 [38]), до динамической с и без обязательств. Статическая коллективная модель была тщательно изучена, протестирована и оценена: Manser, Brown (1980) [6] и McElroy, Marjorie, Horney (1981) [5] первыми характеризуют домохозяйство как группу агентов, принимающих совместные решения. В работе Mazzocco (2007) [23] процесс принятия решений в домохозяйстве моделируется с использованием решения Нэша для ведения переговоров. Apps, Rees (1997) [39] и Chiappori (1988 [37], 1992 [38]) обобщают предлагаемую модель, чтобы учесть любой тип эффективного процесса принятия решений. Thomas (1990) [40] является первым, кто сравнивает статическую унитарную модель против коллективной. Browning, Bourguignon, Chiappori, Lechene (1994) [41] проводят аналогичный тест и оценивают распределение ресурсов между домохозяйствами.

В работе Mazzocco (2007) [23] протестировал и отвергнул межвременные обязательства. Эти результаты могут быть полезны для разработчиков социальных программ. Во-первых, члены семьи не могут нести обязательства по дальнейшим планам. Во-вторых, индивидуальные ограничения участия достаточно часто не дают возможность тесту выявить отклонения в индивидуальных полномочиях при принятии решений, а это означает, что домашние хозяйства должны в течение долгого времени пересматривать свои решения. Основным следствием этого вывода является то, что разработчики политики должны иметь возможность изменять поведение домохозяйства и, следовательно, благосостояние его членов путем изменения переменных, включенных в факторы. Кроме того, представленные Mazzocco (2007) [23] результаты показывают, что было бы выгодно использовать стандартную унитарную модель жизненного цикла с коллективной моделью при отсутствии обязательств для оценки преимуществ политики, разработанной для изменения решений домохозяйств без обязательств.

1.5 Принятие решений домохозяйствами в условиях риска и неопределенности

Неопределенность, риск и связанные с ними ожидания часто являются определяющими факторами, влияющими на принятие решений домашними хозяйствами. Одним из основных направлений исследований по экономике домашних хозяйств является принятие решений о сбережении, потреблении и инвестициях домохозяйств, в основе которых также лежит фактор неопределенности. Результаты таких исследований помогают разрабатывать эффективные экономические и социальные программы, например пенсионной или налоговой системы. Ниже проводится обзор работ, в которых рассматриваются экономические модели поведения домашних хозяйств, учитывающие неопределенность и риск.

Понятия «неопределенность» и «риск» тесно связаны в экономической науке. В 1921 году F. H. Knight в работе «Risk, Uncertainty, and Profit» [42] предложил определения риска и неопределенности. Риск, по мнению исследователя, есть измеримая вероятность с учетом будущих событий. Его можно рассчитать с помощью теоретических моделей или путем вычисления наблюдаемой частоты событий для вывода соответствующих вероятностей. Неопределенность не поддается количественной оценке и не может быть рассчитана с использованием прошлых моделей.

Решения экономических агентов зависят от того, каких событий они ожидают в будущем. От некоторых рисков можно застраховаться: от стихийных бедствий, угона автомобиля, кражи и т.п. Другие риски стимулируют агентов сберегать часть своих средств. В ранних теориях сбережений предполагалось, что сбережения потребителей и производителей в основном зависит от ставки процента. Однако Дж. М. Кейнс предложил теорию абсолютного дохода. По мнению исследователя, сбережения населения зависят от текущего располагаемого дохода. Эмпирические исследования² показали, что модель Кейнса по-разному «работает» на данных в краткосрочном и долгосрочном периодах. Поэтому возникла необходимость расширить набор объясняющих переменных.

В 50-е годы XX века появились теории межвременного выбора: модель жизненного цикла (Modigliani, Brumberg, 1954 [43]), модель перманентного дохода (Friedman, 1957 [44]). В модели перманентного (постоянного) дохода предполагается, что индивиды получают постоянный и временный доходы³. Они стараются привести уровень потребления в соответствие с неким средним значением и, исходя из этого, выбирают уровень сбережений. При этом пол, возраст, образование, социальный статус и другие факторы не учитываются. В модели жизненного цикла также предполагается, что индивид выравнивает уровень потребления в течение жизни. Он занимает в периоды низкого дохода и сберегает/отдает долги при высоком доходе.

Таким образом, авторы получали перевернутую U-образную зависимость между возрастом и сбережениями домохозяйств. К сожалению, обе гипотезы строились в том числе на неправдоподобных допущениях. Среди них – отсутствие любой неопределенности относительно доходов и отсутствие ограничений на ликвидность.

Дальнейшие исследования показали, что прогнозы многих теоретических моделей расходятся с результатами реальных экспериментов. В 1974 году Kahneman, Tversky [45] опубликовали работу «Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases». В ней авторы выдвинули гипотезу о том, что индивиды полагаются на ограниченное число правил, или эвристических принципов, помогающих сводить сложные решения к более простым операциям. А в 1979 году исследователи предложили теорию перспектив («Prospect

² См. например Kuznets (1946).

³ Постоянный доход – получаемый в течении всей жизни, временный доход – случайный, неожиданный или получаемый несколько периодов

Theory: An Analysis of Decision under Risk» [46]), согласно которой ценность привязана не к конечному благосостоянию, а к выигрышам или потерям. При этом вероятности заменены весовыми коэффициентами решений.

К 80-м годам XX века появились новые эмпирические факты, которые не объяснялись существующей экономической теорией (см. например обзор Browning, Lusardi, 1996 [47]). Новая модель, учитывающая неопределенность и риск изменения дохода, была предложена в Hall (1978) [48] и Hall, Mishkin (1982) [49] как уточнение модели перманентного дохода. Согласно подходу, потребители максимизируют не фактическую, а ожидаемую величину полезности в течение жизни (при неизменной ставке процента). Таким образом, удалось объяснить, почему люди сокращают потребление, потеряв работу, или берут кредит при относительно благоприятных экономических условиях или росте дохода. Однако модель Hall не смогла полностью объяснить наблюдаемые колебания сбережений: они оказались более чувствительными к изменению текущего дохода.

В 90-е годы XX века стали набирать популярность модели сбережений «на черный день» (или *buffer-stock models*). В них потребители сберегают часть своего дохода в качестве буфера для потенциальных будущих шоков. После достижения определенного уровня сбережений потребители начинают тратить весь доход или откладывать на старость. Базовая версия такой модели рассматривалась ранее, например в Schechtman, Escudero (1977) [50]. Последующие модели включали большее количество факторов, см. Deaton (1991) [51], Deaton, Paxon (1994) [52], Carroll (1997) [53], Carroll, Samwick (1997) [54].

Также существует ряд исследований, посвященных моделям формирования портфеля. Эти работы, по сути, расширяют перечисленные выше модели возможностью для домашних хозяйств вложить сбережения в разнообразные финансовые активы с различным уровнем риска, см. например Sandmo (1970) [55], Kimball (1990, 1993) [56] [57].

Для эмпирической проверки взаимозависимости между сбережениями домашних хозяйств и параметрами нестабильности дохода использовались:

- одномоментные выборки (Guiso, Jappelli, Terlizzese 1992 [58]; Lusardi, 1998 [59]);
- временные ряды из одномоментных выборок (Merrigan, Normandin, 1996 [60]; Banks, Blundell, Brugiavini, 1999 [61]);

- панельные данные на базе одномоментных выборок (Kuehlwein (1991) [62], Carroll, Samwick (1998[63]).

Huggett (2004) предполагал, что чем выше нестабильность дохода, тем больше сберегают домохозяйства. Guariglia (2001) [64] использовал панельные данные для анализа поведения домохозяйств в Великобритании. Результаты исследования показали, что решения домохозяйств о накоплении сбережений в значительной степени зависят от неопределенности и риска изменения дохода. Однако многие авторы отмечают, что нестабильность дохода не является единственным потенциальным источником неопределенности: более поздние исследования опровергли основное допущение о причине сбережения. Например, эмпирический тест Jappelli, Padula, Pistaferri, (2008) [65]⁴.

В недавнем исследовании Fulford (2015) [66] пытался определить, что же в действительности влияет на уровень буферных сбережений⁵. В основе его работы лежит стандартная модель буферных сбережений. В модели исключаются иные поводы создавать сбережения, кроме как для смягчения шоков. В работе Fulford (2015) [66] также используется модель жизненного цикла с учетом наличия сбережений. С помощью этих моделей он анализирует вариации ряда переменных, например, доход, актуальные сбережения и планируемые сбережения домохозяйств. В моделях также учитываются такие параметры, как возраст домохозяйств, кредитоспособность и место работы.

Fulford (2015) [66] приходит к выводу, что неопределенность и риск изменения уровня дохода не является основным мотивом для накопления сбережений: буферные сбережения домохозяйств в США значительно ниже, чем предсказывают стандартные модели. Исследователь приводит несколько возможных причин:

- 1) домохозяйства чувствуют себя более защищенными благодаря наличию неформальных или социальных механизмов страхования. Например, молодые люди могут рассчитывать на помощь своих родителей или друзей. Поэтому домохозяйства сберегают меньше, чем могли бы (social insurance).

⁴ Целью теста было выяснить, используют ли домохозяйства сбережения как «буфер» для защиты от колебаний уровня дохода.

⁵ С помощью буферных сбережений домохозяйства стараются «сгладить» влияние возможных шоков дохода.

Возможно, в моделях следует «расширить» исследуемые домохозяйства, не ограничиваясь членами семьи, проживающими в одном доме или одной квартире, а включить в них, скажем, ближайших родственников (Dalton, Hotz, Thomas, 2014 [8]).

2) предположительно исследователи некорректно измеряют степень риска (misspecified or error filled income process). Guvenen, Smith (2010) [67] предполагали, что домохозяйства в действительности меньше подвержены нестабильности, чем предполагалось ранее. К примеру, часть переменных шоков может возникать из-за ошибок измерения или некоторые из шоков на самом деле являются постоянными для домохозяйств.

С другой стороны, сами домохозяйства могут не учитывать или намеренно игнорировать, преувеличивать или занижать отдельные риски, предполагаемые в модели.

3) домохозяйства могут частично компенсировать шоки доходов за счет того, что дополнительные члены домохозяйств начнут работать, либо уже работающие будут работать больше. Таким образом домохозяйства самостоятельно «сглаживают» изменение дохода (ability to smooth on other margins). Swanson (2012) [68] демонстрирует, что дополнительная выгода от корректировки дохода может значительно снизить риск его изменения.

Badel, Huggett (2014) [69], в свою очередь, предполагают, что домохозяйства озабочены не столько шоками доходов, сколько шоками расходов. Например, в работе De Nardi, French, Jones (2010) [70] возрастание нормы сбережения с увеличением возраста объясняется незапланированными расходами на здоровье. В работе Chamon, Liu, Prasad (2013) [71] были проанализированы данные по домохозяйствам в Китае в период с 1989 по 2009 гг. Оказалось, что увеличение переменных шоков стало одной из причин значительного увеличения нормы сбережения среди китайских домохозяйств. При этом сильнее всего увеличили свою норму сбережения «юные» и «пожилые» домохозяйства, поскольку у первых отсутствуют резервные запасы или имеются меньшие накопления из-за «короткой» истории сбережений, а у вторых уменьшился размер получаемых пенсий из-за пенсионной реформы 1997 года.

2 Исследование моделей формирования семьи и поведение на брачном рынке

В данном разделе приводятся несколько подходов к формированию семьи и поиску партнера: от классических моделей мэтчинга до теории рационального брака, в которой индивиды учитывают возможный развод, и модели поиска-сопоставления брачного рынка с предложением труда.

2.1 Классические модели формирования семьи

Одна из первых работ по данной теме – это работа Дэвида Гейла и Ллойда Шепли, предложенная в 1962 году [72]. Основная идея заключается в том, чтобы распределить женихов и невест на брачные пары таким образом, чтобы не существовало двух людей, которые хотели бы сформировать новый союз. Механизм выбора устойчивых паросочетаний (matching) также применяется при отборе претендентов на работу (например, врачей или интернов в больницы), игроков в спортивные команды, записи студентов на курс, выборе учебного заведения и т.п. Задача о марьяже может использоваться не только для парных (в данном случае моногамные браки), но и для множественных сочетаний (куда можно отнести и полигамные браки).

Классической работой по экономике домохозяйств являются работы Г. Беккера. По его словам, «эффективный брачный рынок присваивает всем участникам вмененные доходы или “цены”, которые служат стимулами для вступления в полигамные или моногамные браки. Вмененные цены используются при заключении брачных союзов между партнерами разного “качества”: некоторые участники рынка выбирают себе партнеров “более низкого качества”, поскольку полагают, что партнеры “высокого качества” слишком дороги. Помехи эффективному оцениванию участников возникают тогда, когда выигрыш от вступления в брак нельзя легко разделить между супругами или, когда один из супругов (обычно это муж) имеет больше власти, чем другой. Выкуп за невест, приданое, платежи при разводах и другие трансферты капитала появились отчасти для того, чтобы преодолеть эти помехи» [73, стр. 108]. Беккер также рассматривал случаи неодинаковой численности мужчин и женщин, полигамных браков, негибких цен и различных предпочтений относительно благ, производимых внутри семьи.

Беккер также предположил, что мотивом для образования семьи является необходимость разделение производства и потребления благ внутри домохозяйства (Becker, 1973 [2]; 1974 [3]; 1991 [4]). Однако он изучал сравнительные преимущества в производстве внутрисемейных благ и деятельности на рынке вне домохозяйства, что объясняло традиционную специализацию при производстве «домашних» благ у женщин и «рыночных» благ у мужчин. Позднее данные работы критиковали за предположение, что проблема распределения и производства благ решается не стратегически. Chiappori (1992) [74] отмечает, моделирование домохозяйства в виде единого индивида недопустимо, потому что такой подход не соответствует критерию методологического индивидуализма: микроэкономические модели, как правило, рассматривают всех участников экономики как отдельных игроков, принимающих решения. Более того, представление домохозяйства как одного игрока, не позволяет ничего сказать про процессы принятия решений внутри самого домохозяйства. В работах Manser, Brown (1980) [6], McElroy, Marjorie, Horney (1981) [5], Lundberg, Pollak (1993) [18], 1994 [75]), Apps, Rees (1997) [39], Chiappori (1988a [37]; 1988b [76]; 1997 [37]), Bourguignon, Chiappori (1992) [77], Browning, Bourguignon, Chiappori, Lechene (1994) [41] с теоретической и эмпирической точек зрения рассматривались процессы распределения ресурсов внутри семьи и было продемонстрировано, что стратегическое принятие решение играет ключевую роль в распределении ресурсов между членами семьи. Полученные результаты о внутрисемейном распределении ресурсов можно распространить на более общую проблему: стратегическое принятие решений будет играть значительную роль в вопросе формирования и распада домохозяйств. Такой подход представлен в исследовании коллективных моделей, о которых говорилось выше. Что касается «стратегического» выбора партнера, то ей посвящена модель рационального брака и развода, представленная ниже (Barham, Devlin, Yang, 2009 [78]).

2.2 Теория рационального брака и развода

Большинство людей вступает в брак, и почти половина всех браков заканчивается разводом. В данном случае возникает несколько вопросов: почему люди принимают решение вступить в брак, почему разводятся и какова стоимость выхода из брака. Ответив на них, можно было бы предположить, в каких случаях и почему рациональные индивиды так или иначе все же принимают решение заключить брачный союз. Однако это представляется весьма неочевидным. Одним из объяснений, о котором говорят

Barham, Devlin, Yang (2009) [78], может являться отсутствие полной и адекватной информации о потенциальных партнерах. Несовершенство информации имеет большое значение и является ключевым объектом исследований во многих моделях поиска на брачном рынке (см. например Shimer, Smith, 2000 [79], Roth, 1996 [80]). Тем не менее, такое объяснение является поверхностным, ведь, как было сказано выше, все большее количество пар «практикуют» сожительство перед браком, что отчасти должно позволить получить лучшую информацию о партнере и, соответственно, снизить неопределенность относительно качества будущей жизни в браке и уменьшить вероятность того, что брак закончится разводом. Однако если предположить, что главной причиной разводов является запоздалое раскрытие информации о партнере, то значит, большинство людей добровольно используют очень неэффективный способ оценки потенциальных партнеров.

Альтернативным объяснением того, что рациональные индивиды имеют причины для вступления в брак, является знание о том, что союз может заключаться не навсегда. Barham, Devlin, Yang (2009) [78] проводят параллель с покупкой дома: нередко люди покупают первые дома с намерением в скором времени продать их и сменить на улучшенный вариант. Они предполагают, что если от брака имеется выгода в виде экономии на масштабе по сравнению с двумя отдельными домохозяйствами, и семейные пары имеют возможность создавать внутрисемейные коллективные блага быстрее, то вступление в брак может иметь смысл, даже если он завершится разводом.

Barham, Devlin, Yang (2009) [78] рассматривают домохозяйства, состоящие из свободных (неженатых и незамужних) индивидов и семейные пары. Имеется два товара: составной частный товар (X) и товар общественного пользования (G). Функция полезности $U^i(X^i, G^i)$ вогнута по обоим аргументам. Первая и вторая производная по обоим аргументам существуют и являются непрерывными. Товар общественного пользования является квазидолговременным и может быть интерпретирован как составной товар, представляющий как физические блага (дом, мебель, домашняя еда), так и нефизические (забота, общение в семье). Доступное количество общественного блага в период t обозначим как G_t . Оно будет определяться как функция от остаточного запаса данного товара с учетом дополнительных вложений каждого члена семьи в производство товара в период t :

$$G_t = \delta G_{t-1} + f(k_{mt}, k_{wt}), \quad (1)$$

где δ обозначает ставку дисконтирования, $0 < \delta < 1$, а k_{mt}, k_{wt} – инвестиции мужчины или женщины в производство общественного блага в период t . Предполагается, что производственная функция $f(k_{mt}, k_{wt})$ вогнута, и для нее выполняются условия $f(k_{mt}, 0) > 0$, $f(0, k_{wt}) > 0$. Это означает, что положительный уровень производства товара возможен, даже если один из партнеров не вкладывается в производство.

В каждый период мужчины и женщины имеют определенное фиксированное значение ресурса труда L . Они могут распределять его на производство общественного и частного блага. Каждый член семьи независимо принимает решение, какое количество труда направить на производство общественного блага; оставшийся ресурс будет направлен на производство частного блага (рынок труда, внешний рынок). Производительность вне семьи для каждого члена обозначим как v_i ($i = m, w$). Для простоты предполагается, что альтернативные издержки семейной производственной функции зависят только от структуры семьи и не зависят от личностей супругов. Varham, Devlin, Yang (2009) [78] также предполагают, что доходы с рынка труда объединены внутри домохозяйства. То есть, общее количество доступного в период t частного блага может быть выражено как

$$X_t = v_m(L - k_{mt}) + v_w(L - k_{wt}) \quad (2)$$

В данном случае важна динамика формирования семей, а не распределение благ внутри каждой семьи. Поэтому предполагается, что часть X_t , которую потребляет каждый член домохозяйства, определяется экзогенно.

Следовательно, обозначив как θ_m или θ_w долю потребления мужчин и женщин, $\theta_m + \theta_w = 1$, можно выразить величину частного потребления для обоих членов семьи в период t :

$$X_{mt} = \theta_m[v_m(L - k_{mt}) + v_w(L - k_{wt})] \quad (3)$$

$$X_{wt} = \theta_w[v_m(L - k_{mt}) + v_w(L - k_{wt})] \quad (4)$$

Очевидно, в семье, состоящей из одного человека, потребление частного товара будет определено в зависимости от того, какое количество труда индивид решит направить на производство общественного блага. Это завершает описание Barham, Devlin, Yang (2009) [78] распределения ресурсов внутри семьи.

Barham, Devlin, Yang (2009) [78] моделируют формирование и распад семей в двухпериодной игре. В начале первого периода каждый участник экономики принимает решение, вступать в брак или нет. Для заключения брака необходимо согласие обоих партнеров. Если они решают жениться, их уровень потребления частного и общественного товаров определяется в соответствии с описанной выше процедурой. Если они решают остаться в одиночестве, каждый будет производить оба вида благ только для себя.

Ход игры (два периода) определяется периодами следующим образом. В конце первого периода супруги принимают решение о том, останутся ли они в браке или разведутся. Если принимается решение о разводе, каждый получает долю λ_i , ($i = m, w$) от общественного блага, где $\lambda_m + \lambda_w \leq 1$. Отметим, что распределение семейных активов определяется в соответствии с семейным правом. При неравных доходах закон может заставить супруга с более высоким доходом выплачивать определенную долю дохода супругу с более низким доходом. Для развода достаточно желания одного партнера, и, соответственно, брак сохраняется, когда согласны оба супруга. Разведенные не могут пожениться заново, во втором периоде они считаются домохозяйствами из одного человека. В начале второго периода индивиды с учетом новой структуры семьи снова принимают решение о распределении труда между производством общественного блага внутри семьи и участием на рынке труда, то есть производством частных благ. Частное потребление определяется так же, как и в первом периоде. После второго периода игра заканчивается.

Для решения данной игры используется концепция совершенного в подиграх равновесия по Нэшу. Соответственно, сначала необходимо рассмотреть принятие решений во втором периоде для семейных пар, разведенных и тех, кто не стал вступать в брак.

- Если в начале второго периода домохозяйство состоит из одного человека, задача, которую он решает, будет очень простой: доступное количество труда должно быть распределено между производством общественного товаром и потреблением составного частного блага. Для этого решается задача максимизации полезности.

- Так как в браке каждый партнер независимо принимает решение относительно уровня вложений в производство коллективного блага, зная, что доход с рынка труда будет объединен и распределен на заранее оговоренные доли, то в отличие от семьи, состоящей из одного человека, принятие решение супругами является стратегическим: решение об уровне усилий в производство общественного товара учитывает ожидаемый вклад партнера.

Теперь рассматриваются решения, которые принимаются на первой стадии игры: вступить в брак или остаться в одиночестве и как распределять ресурс труда между производством коллективного блага и работой на внешнем рынке. Очевидно, задача о распределении труда для одинокого агента будет аналогично задаче неженатого индивида во втором периоде без учета величины накопленного коллективного товара G_1 . Однако индивид должен оценивать ожидаемое влияние своих инвестиций в производство общественного блага в первый период на принятие решений во втором. И наоборот, ожидаемые будущие решения, в частности, сохранится ли брак или окончится разводом, будут оказывать влияние на принятие решений для вступающих в брак индивидов. Возможность будущего развода обостряет неэффективность принятие решений в первом период из-за некооперативной природы игры, которая приводит к увеличению вероятности последующего развода.

- Холостой. Индивиды, которые решают не вступить в брак в первом периоде, знают, что останутся в одиночестве до конца жизни. Принимая решения в первом периоде о распределении труда между работой дома и вне дома, они рассматривают ожидаемое влияние этих решений на доступные опции во втором периоде.

- После заключения брака. Принимая решения о распределении ресурсов на производство коллективного и частного блага, они имеют ожидания о том, сохранится ли их брак или случится развод и во втором периоде они останутся в одиночестве. Для простоты изложения рассматриваются по отдельности индивиды, предполагающие стабильный брак, и те, кто в конце первого периода ожидает развод.

В конечном итоге наиболее интересный вопрос заключается в следующем: имеет ли смысл заключать брак, если впоследствии ожидается развод? Брак выглядит достаточно привлекательным, он позволяет партнерам иметь больший уровень потребления, как частных, так и коллективных благ. Однако выгода от такого сотрудничества может ослабляться за счет «безбилетников», что может приводить к тому, что индивиды могут предпочесть не заключать брак вообще. При этом достаточно

большие выгоды, заставляющие вступать в брак, будут иметь меньшее влияние на решение о сохранении брака. Зная, что после развода семейное имущество будет разделено, сложно понять, почему партнеры, готовы вступить в брак, даже ожидая, что он окончится разводом. Однако описанный выше анализ Barham, Devlin, Yang (2009) [78] демонстрирует, что при некоторых условиях такое поведение тоже может иметь место в равновесии.

Оказывается, что индивиды с похожими вкусами с большей вероятностью смогут составить стабильный союз, предполагает, что пары с разными вкусами, навыками, а также семьи, в которых ресурсы распределяются достаточно асимметрично, будут менее устойчивыми. Легко построить примеры несовместимых пар, для которых (S, S) ⁶ будет единственным совершенным в подыграх равновесием. Высокая степень схожести и симметрии способствует стабильности брака, тогда как различия и асимметрия приводят к тому, что стабильными будут только одиночные домохозяйства. Таким образом, (M, D) может возникнуть, когда имеются достаточные выгоды от объединения сил в первом периоде, однако во втором возникают проблемы совместного производства, приводящие к разводу. Причина, по которой во втором периоде ресурсы могут быть распределены менее эффективно, чем в первом, связана с накоплением семейного совместного блага. Действительно, если $\delta = 0$ (никакого накопления не происходит), второй период будет повторять первый, поэтому если в первом периоде выгодно вступать в брак, то во втором периоде будет так же выгодно брак сохранить.

Невозможно представить условия, при которых (M, D) будет равновесием. Конечно, с потерей общности можно представить определенную функциональную форму и найти аналитическое решение. Но это не углубит анализ: уже известно, что существует дилемма между выгодами от брака в первом периоде и фрирайдерством во втором, которая может сделать (M, D) возможным.

Анализ, предложенный Barham, Devlin, Yang (2009) [78], позволяет по-новому взглянуть на динамику образования и распада домохозяйств. Авторы показывают, что рациональные индивиды могут вступать в брак, зная, что впоследствии союз закончится разводом. Брак дает партнерам преимущество, которое заключается в возможности

⁶ S – single, холост, M- marriage, брак, D – divorce, развод

быстрее производить значительное количество коллективного блага. По этой причине оба партнера могут поначалу предпочесть короткие браки одиночеству. Если супруги достаточно похожи, брак будет стабильным. Однако большие различия в экономических возможностях или в предпочтениях приводят к тому, что брак становится менее устойчивым. Также в анализе Barham, Devlin, Yang (2009) [78] большое влияние уделяется роли стратегического поведения: без этой предпосылки рациональным индивидам всегда будет выгодно вступить в брак и не разводиться. Единственной причиной, по которой они могут принять решение не вступить в брак вообще или развестись, может быть, стратегическое поведение, которое не позволит реализоваться потенциальным выгодам от брака.

Возможные стратегические взаимодействия, кооперация и т.п. между партнерами делает невозможным точное предсказание о влиянии экзогенной среды на брак. Например, в зависимости от распределения труда на домашнюю работу изменение заработной платы одного из супругов может уменьшить желание оставаться в браке для обоих супругов, а не для одного из них, как можно ожидать.

Также анализируется влияние регулируемых параметров на устойчивость брака, например, правила распределения совместного имущества после развода и обеспечение, которое после развода один партнер должен выплачивать другому. Если в соответствии с семейным правом имущество делится поровну, а поддержка такова, что доходы после налогообложения для обоих супругов примерно выравниваются, это уменьшит и процент разводов, и количество браков в принципе.

3 Инвестиции в человеческий капитал, отдача от образования

Решения домашних хозяйств, связанные с распределением ресурсов, определяют траекторию развития семьи. Не последнюю роль играют инвестиции, в частности инвестиции в человеческий капитал. Они могут быть двух видов: инвестиции от других членов домохозяйства и собственные инвестиции. Первый подраздел посвящен инвестициям родителей в собственных детей. Следующие – в большей степени анализируют взаимосвязь отдачи от образования с отдачей на рынке труда и на брачном рынке.

3.1 Дети и структура семьи

Структура семьи и наличие детей, пожалуй, играет одну из важных ролей при принятии решений домохозяйствами. Одной из первых работ, в которой была предпринята попытка определить «ценность» детей, является работа Schultz, 1974 [81]. В ней автор приводит экономические рассуждения, связанные с воспитанием детей, и, определяет ценность детей для родителей через сопоставление уровня предельных издержек с тем уровнем предельных выгод, удовлетворения и с теми будущими производительными услугами, которые родители ожидают получить от своих детей. Рассмотрим вопросы, связанные с решением родителей об инвестировании в своих детей: не только материальном, но и эмоциональном вкладе родителей. В работе Aizer, Cunha (2012) [82], по-видимому, впервые инвестиции родителей считаются как качество общения с ребенком, оцененное психологом. Помимо этого, они изучают зависимость между решением о числе детей и решением об инвестировании.

Проводившиеся в развитых и развивающихся странах эксперименты, нацеленные на определение влияния улучшения условий, в которых находятся дети из неблагоприятных семей, показали, что условия в раннем детстве играют важную роль в формировании взрослого человеческого капитала и будущего дохода или, другими словами, приносят существенные социальные и экономические выгоды (см. например работы по развитым Olds et al., 2002 [83]; Campbell et al., 2008 [84]; Heckman et al., 2010 [85], Conti et. al, 2012 [86] и по развивающимся странам Grantham-McGregor et al., 1994 [87]; Behrman et al., 2009 [88]). Человеческий капитал в возрасте 6-8 лет объясняет 12 процентов вариации во взрослом уровне

обучения, который в свою очередь влияет на заработные платы (см. Currie, Thomas, 1999 [89]; McLeod, Kaiser, 2004 [90]).

Существующие модели формирования человеческого капитала содержат некоторые объяснения, почему условия в детстве играют столь значимую роль. В своей классической работе Becker, Tomes (1986) [91] представили модель передачи человеческого и финансового капитала между поколениями. В ней производственная функция человеческого капитала обладает свойствами комплементарности между родительскими инвестициями и одаренностью ребенка (статическая комплементарность). Она повышает стимулы родителей инвестировать в более одаренных детей. Cunha, Heckman (2007) [92] разработали многопериодную модель, в которой инвестиции в разные периоды времени являются компонентами в формировании человеческого капитала, при этом, чем раньше происходит инвестирование, тем выше потенциальная отдача от инвестиций. Это свойство названо «динамической комплементарностью». Несмотря на то, что и статическая, и динамическая комплементарности часто используется в научной литературе, эмпирические свидетельства существования этих свойств найти сложно.

В исследования Aizer, Cunha (2012) [82] анализируется, как одаренность, инвестиции, размер семьи и предпочтения родителей влияют на формирование человеческого капитала. Они приводят эмпирические свидетельства двух свойств, динамической и статической комплементарности: изначально более одаренные дети получают большую отдачу от дошкольного образования и родители вкладывают больше инвестиций в более одаренных детей. Aizer, Cunha (2012) [82] также показали, что с ростом размера семьи растет степень неоднородности инвестиций. Поэтому в больших семьях разрыв между максимальным и минимальным уровнем человеческого капитала выше, чем в маленьких из-за большей разницы, как одаренности, так и инвестиций родителей.

Далее Aizer, Cunha (2012) [82] было показано, что результаты, полученные с помощью реальных данных, можно подтвердить, используя теоретическую модель качества-количества с гетерогенностью в одаренности детей, предпочтениями родителей, которые дают свойство комплементарности качества и количества детей, и небольшой несклонностью родителей к неравенству человеческого капитала их детей. Наличие комплементарности объясняет, почему с ростом

размера домохозяйства разрыв между максимальным и минимальным уровнем человеческого капитала детей растет. Небольшая несклонность к неравенству объясняет, почему инвестиции родителей являются скорее поддерживающими, чем компенсирующими, но максимальный человеческий капитал детей в семье растет не настолько, насколько он мог бы расти при отсутствии несклонности к неравенству.

Эмпирические и теоретические результаты позволяют лучше понять формирование человеческого капитала в детстве и его детерминант. Кроме того, Aizer, Cunha (2012) [82] дают новую оценку влияния программ дошкольного образования или другой помощи детям из бедных семей на показатели когнитивных способностей детей. В частности Aizer, Cunha (2012) [82] показали, что участие в программе Head Start (программа дошкольного образования и другой помощи детям из бедных семей, с 1966 г. по настоящее время) в большей степени повысило IQ тех детей, у кого уровень раннего человеческого капитала был выше.

Дети влияют на структуру семьи и, так или иначе, являются инвестицией, поэтому качество человеческого капитала и возможность влиять на него играют существенную роль при формировании поведения внутри домохозяйства, а также на поведение, связанное с взаимодействием вне домохозяйства.

3.2 Инвестиции в человеческий капитал, карьера и брак: динамическая модель

Многие исследования включают в анализ решений об инвестициях в человеческий капитал гендерную составляющую. Однако в большинстве ранних работ гендер игнорировался, хотя, по сути, рассматривались решения, принимаемые мужчинами, так как они имели больший доступ к образованию, рынку труда, а значит имели большее влияние при распределении семейных ресурсов. В 1980-е годы стали появляться статьи, посвященные теме решений относительно брака и карьеры с точки зрения женщин (Heckman, MaCurdy, 1980 [93]; Hotz, Miller, 1988 [94]; Eckstein, Wolpin, 1989 [95]; van der Klaauw, 1996 [96]). Однако, по мнению Gould (2008) [97], взаимосвязь между решениями о карьере и браке для мужчин крайне редко освещается в литературе последних десятилетий, поэтому он изучает зависимость между инвестициями в человеческий капитал и карьерным выбором, с одной стороны, и потенциальной отдачей на брачном рынке с другой стороны. Он анализирует последовательные и совместные решения об

образовании, работе, выборе профессии и вступлении в брак белых мужчин в возрасте от 16 до 39 лет. По мнению Gould (2008) [97], в этот период времени молодые люди вынуждены принимать ключевые решения, касающиеся их карьеры и брака, и в большинстве случаев важные решения об образовании и карьере принимаются задолго до того, как индивиды найдут себе партнера. Таким образом, чтобы оценить степень, с которой решения о человеческом капитале и карьере подвергаются влиянию со стороны брачного рынка (потенциальной отдачи на брачном рынке), необходимо изучить эту проблему в контексте предсказательной, динамической модели карьеры и брака. Gould (2008) [97] использует модель динамического программирования, объектом которой являются решения молодых людей о браке и карьере, меняющиеся с течением времени.

Часть вопросов, рассматриваемых в работе Gould (2008) [97], были по отдельности изучены в рамках статических моделей. Некоторые работы посвящены анализу взаимосвязи между зарплатами и брачным статусом (Korenman, Neumark, 1991 [98]), однако в работе Gould (2008) [97] освещаются виды влияния брачного рынка на зарплату посредством оказания влияния на инвестиции в образование, на вовлеченность труда и на выбор профессии с течением времени. Gould (2008) [97] также приводит работы, посвященные высокой степени классифицирующего отбора между мужчинами и женщинами в соответствии с их уровнем образования (Fernandez, Rogerson, 2001 [99]; Fernandez, Guner, Knowles, 2005 [100]), а также посвященные некоторым аспектам развода и повторного вступления в брак.

Результаты Gould (2008) [97] показывают, что человеческий капитал и карьера зависят от роста уровня образования и вовлеченности труда среди женщин, а именно 1) если бы решения, принятые на рынке труда, не имели отдачу на брачном рынке, то мужчины работали бы меньше, меньше бы учились, а также охотнее становились бы «голубыми воротничками»; 2) брачный рынок влияет на зарплату с течением времени за счет влияния на решения об инвестициях в образование, вовлеченности труда и выборе профессии. В частности, мужчины вкладывают больше в образование и работу «белым воротничком» (по сравнению с работой «синим воротничком»), чтобы увеличить свои шансы жениться на работающей женщине или женщине с высшим образованием.

Полученные результаты также демонстрируют, как изменение норм и законов, касающихся браков и разводов повлияли на решения мужчин об инвестициях в человеческий капитал и о карьере. Если издержки развода снижаются, то модель

предполагает, что мужчины будут принимать меньшие меры предосторожности для того, чтобы избежать распада брака.

3.3 Влияние брачного рынка на отдачу от высшего образования

Одним из первых исследований по экономике образования была работа Becker, (1964) [101], в ней выбор образования рассматривался как результат максимизации, которая учитывает финансовую отдачу от образования на протяжении всей жизни. Другие эмпирические исследования (OECD, 2008 [102]; Psacharopoulos and Patrinos, 2004 [103], Courtioux, Gregoir, Houeto, 2014 [104]), фокусируясь на отдаче на рынке труда, продемонстрировали, что благодаря возможности найти лучшую работу с более высокой зарплатой, высшее образование является весьма выгодным вложением: средняя личная отдача от высшего образования значительно выше, чем процентная ставка во всех развитых странах. В этих работах также отмечается значительная гендерная разница в отдаче от высшего образования, т.е. мотивы поступать в университет для женщин слабее, чем для мужчин.

С теоретической точки зрения, обычно утверждается, что высшее образование увеличивает шансы найти партнера с высшим образованием, тем самым увеличивая доходы домохозяйства после вступления в брак (Chiappori et al., 2009 [105]). Целью Courtioux, Lignon (2016) [106] является эмпирическая идентификация влияния брачного рынка на отдачу от высшего образования во Франции с учетом гендерной разницы. Полученные результаты демонстрируют наличие гендерной разницы. Для мужчин брачный рынок не является статистически важным для медианной отдачи, у женщин эффекты брачного рынка составляют почти треть этой отдачи. Несмотря на наличие значительного эффекта для женщин, полученные Courtioux, Lignon (2016) [106], брачный рынок не является методом страховки, то есть не гарантирует отдачу от высшего образования. Брачный рынок увеличивает риск не получить выгоды от высшего образования как для мужчин, так и для женщин, поскольку его наличие добавляет неопределенность, связанную с карьерой партнера, к неопределенности, связанной с собственной карьерой индивида. Тем не менее, риск остается более высоким для женщин по сравнению с мужчинами.

В общих чертах полученные результаты совпадают с результатами более ранних исследований, проведенных в работах Ge (2011) [107] и Chiappori et al. (2009) [105]: брачный рынок оказывает влияние на решения об образовании у женщин.

Свидетельство возрастающего участия женщин в процессе получения высшего образования, несмотря на наличие гендерной разницы в карьере, может быть объяснено влиянием брачного рынка на отдачу. Однако Courtioux, Lignon (2016) [106] показывают, что для данного уровня избегания риска женщины менее склонны поступать в университеты, чем мужчины.

3.4 Влияние субъективных ожиданий на инвестиции в образование, отдачу от рынков труда и брака

Выше неоднократно упоминалась гендерная разница на рынке труда, которая по-прежнему продолжает существовать (то есть вовлеченность труда среди женщин ниже, женщины чаще работают с частичной занятостью и в среднем зарабатывают меньше, чем мужчины). Что касается доступа к образованию, то по мнению Attanasio, Kaufmann (2017) [108] гендерная разница в получении образования не только уменьшилась за последние несколько десятилетий: «во многих странах ОЭСР показатели поступления женщин в университеты и колледжи превзошли показатели мужчин... Отсюда следует предположение, что детерминанты решений касательно образования различаются для мужчин и женщин, и что потенциальная отдача от рынка труда может являться не единственной движущей силой, по крайней мере, для женщин. Естественным кандидатом на роль альтернативного источника ожидаемой отдачи является брачный рынок (Goldin, 1992 [109]; Goldin et al., 2006 [110]; Bailey, Dynarski, 2011 [111])» (стр. 35, Attanasio, Kaufmann, 2017 [108]). Attanasio, Kaufmann (2017) [108] исследуют:

- влияет ли отдача на брачном рынке на решения об образовании,
- различаются ли относительные веса отдачи на рынках труда и брака в зависимости от пола.

Attanasio, Kaufmann (2017) [108] проанализировали, как ожидания будущих выгод влияют на выбор образования молодежи в Мексике. Они учитывают не только ожидаемую отдачу в денежном исчислении, но и риски, связанные с принятием такого выбора, а также отдачу на брачном рынке. Основным результатом Attanasio, Kaufmann (2017) [108] является то, что отдача на рынке труда, как и на брачном рынке, является важной детерминантой в процессе принятия образовательных решений. Однако предпочтения мужчин и женщин различаются с точки зрения относительной роли каждой из этих двух детерминант. Относительный вес отдачи на рынке труда по сравнению с брачным рынком для мужчин выше, чем для женщин. Attanasio, Kaufmann

(2017) [108] использовали прокси для отдачи от брачного рынка, а также непосредственные данные по убеждениям индивидов касательно брачного рынка в зависимости от наивысшей ступени образования, полученной индивидом. Оба подхода дали сходные результаты, а именно: отдача от брачного рынка является важной детерминантой при принятии решения о поступлении в университет, в особенности для девушек.

Данные по субъективным ожиданиям позволяют Attanasio, Kaufmann (2017) [108] напрямую отвечать на вопросы, которые иначе представляют собой достаточно сложную задачу (наличие сильных допущений), когда ожидания не наблюдаемы. С другой стороны, использование данных по ожиданиям иногда критикуется на основе таких потенциальных проблем, как эндогенность или рационализация пост-фактум. В своей работе они отдельно останавливаются на том, почему эти проблемы не должны влиять на полученные результаты.

Исследования инвестиций в образование, не учитывающие брачный рынок и рынок труда, и, в особенности, игнорирующие гендер, могут оказаться неполными, так как недооценка значительной отдачи на брачном рынке или на рынке труда по отношению к карьерным решениям приводит к занижению истинной индивидуальной отдачи от принятых решений касательно человеческого капитала.

4 Модели, учитывающие традиции и нормы поведения членов домохозяйств в различных сообществах

Большинство описанных выше моделей включают довольно широкий перечень факторов, способных описать и/или предсказать действия отдельных индивидов или домохозяйства при различных условиях. Однако остаются не учтенными характеристики, связанные с социальным окружением, в котором живет домохозяйство, влиянием формальных и неформальных институтов. В данном разделе будут рассмотрены два блока исследований. Первые посвящены типам трансфертов между поколениями, семьям и сообществу: каким из них домохозяйство будет отдавать предпочтения, какую роль при этом играют семейные традиции и принятые в обществе нормы. Второй блок работ посвящен изменениям в законодательстве, влияющим на основы брачного договора.

4.1 Трансферты семьям и трансферты сообществу

Трансферты являются результатом распределения ресурсов домохозяйства между потреблением, инвестициями и страхованием. Они отражают не только институциональные особенности общества, в котором живет семья, но оценку эффективности формальных институтов страхования, предлагаемых государством. Работа Deb, Okten, Osili (2010) [112] посвящена двум аспектам. Во-первых, в ней исследуется роль семьи при формировании трансфертов между поколениями. Существуют несколько механизмов, с помощью которых паттерны трансфертов могут коррелировать между родителями и их взрослыми детьми. Приведем несколько примеров:

- через наблюдение за своими родителями дети могут увидеть, как передаются ресурсы семье и общественным институтам, что в дальнейшем они сами смогут воплотить в собственном домохозяйстве,
- возможно, своими действиями родители смогут напрямую сформировать определенные предпочтения у своих детей относительно трансфертов семье или сообществу (Cox, Stark, 1998 [113]; Jellal, Wolff, 2000 [114]),
- родительское влияние может возникать в результате наличия значительной корреляции между доходом и благосостоянием среди членов семьи (Grawe, Mulligan, 2002 [115]),

– схожесть или положительная корреляция между отношением к трансфертам среди детей и их родителей может быть обусловлена наличием совместных вкусов и предпочтений.

Во-вторых, Deb, Okten, Osili (2010) [112] исследуют, являются ли трансферты семье и трансферты сообществу, к которому себя относит домохозяйство, взаимодополняющими или взаимозаменяемыми (комплементарными или субститутами). Эмпирический анализ в работе Deb, Okten, Osili (2010) [112] базируется на данных из Indonesia Family Life Surveys (IFLS). Эти данные содержат информацию о трансфертах членам семьи и трансфертах общественным институтам. Deb, Okten, Osili (2010) [112] упоминают, что данные из развивающихся стран, как правило, содержат много информации по трансфертам внутри семьи и мало информации по трансфертам общественным институтам, тогда как данные из развитых стран – наоборот. В частности, они оценивают тобит-систему уравнений с четырьмя неизвестными, используя принцип максимального правдоподобия (MSL). Это позволяет изучить взаимосвязь между трансфертами семье и трансфертами обществу. Учитывая эндогенность трансфертов между поколениями, Deb, Okten, Osili (2010) [112] проверяют, сохраняется ли влияние родителей после того, как последовательно проверяются косвенные эффекты таких факторов, как совместные бюджетные ограничения, совместные шоки и предпочтения внутри семьи.

Для исследования была выбрана Индонезия. В отличие от многих развитых стран, государственные трансферты в Индонезии, как правило, лимитированы, поэтому существует относительно мало поводов осуществлять трансферты. При этом в силу социокультурных особенностей семейные и общественные институты играют значительную роль в Индонезии. Такие важные услуги, как здравоохранение, забота о детях и о пожилых людях предоставляются преимущественно посредством семьи и общественных институтов. Deb, Okten, Osili (2010) [112] предполагают, что трансферты таким институтам могут быть комплементарными. Полученные результаты показывают, что существует комплементарность между трансфертами семье и обществу, однако требуются дополнительные исследования для анализа различных внешних факторов, при которых осуществляются такие трансферты. Deb, Okten, Osili (2010) [112] продемонстрировали, что «родное» домохозяйство, принимая определенные решения о совершении трансфертов, тем самым влияет на трансферты, совершаемые его потомками (ролевая модель: объемы трансфертов общественным институтам, совершаемые

взрослыми детьми одного домохозяйства, зависят от того, какой объем трансфертов совершался этим домохозяйством). Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что ненаблюдаемая гетерогенность в таких трансфертах положительно коррелирует для родителей и их взрослых детей.

4.2 Влияние права на принятие решений домохозяйством и его членами

Анализируя влияние права на принятие решений домохозяйствами, мы, в первую очередь, говорим о законодательстве, связанном с браками и разводами. Безусловно, на решения об инвестициях в человеческий капитал будут влиять наличие или отсутствие бесплатного образования в стране, медицинского обслуживания и т.д.; на решения о рождении детей – отчасти социальные программы, обеспечивающие некоторую поддержку родителям, срок декретного отпуска и т.д. Однако эти вопросы можно считать частными, во-первых, для каждой страны или сообщества, во-вторых, для текущего момента времени (программы материнского/семейного капитала, политика одного ребенка на одну семью в Китае и т.п.). Поэтому в данном разделе мы остановимся на более общих тенденциях.

До XX века семейное право большинства стран соответствовало традициям патриархальной семьи и/или религиозным нормам. Сейчас семейное законодательство намного более либеральное, однако сохраняются отдельные «устаревшие» нормы, среди них:

- запрет развода (в некоторых европейских странах до 1995 года), неодинаковые права мужа и жены в отношении инициирования развода (чаще исламские страны),
- запрет в течение определённого срока вступать в новый брак после смерти супруга, развода или признания брака недействительным (чаще для женщин),
- неравные права между детьми, рожденными в браке, и внебрачными; и т.д.

«Старые» законы давали право на развод лишь при наличии достаточных доказательств несостоятельности брака, поэтому множество разводов совершалось с обоюдного согласия сторон. В этом случае возникал торг между супругами, целью которого было определить неоспоримые (и часто поддельные) доказательства несостоятельности брака для предоставления их в суд. Таким образом, система

разрешала развод в случае взаимного согласия на развод, но не допускала односторонний развод.

Изменения в законодательстве в корне меняют основы брачного договора. По сути, они снижают возможность заключать межвременные контракты внутри брака и снижают ожидаемые выгоды таких соглашений, так как один из супругов не может дать обязательство не оставлять другого супруга в будущем. Возможность в одностороннем порядке инициировать развод перекладывает право на развод со стороны наиболее заинтересованной в сохранении брака на сторону, которая хочет брак расторгнуть. Becker, Landes, Michael (1977) [116] утверждали, что количество разводов не изменилось бы в случае перехода от системы взаимного согласия к односторонним законам о разводе. Аргументация была следующей: правовой сдвиг представляет собой перераспределение существующего права собственности от одного супруга к другому, а именно права одной из сторон вступить в новый брак. По теореме Коуза, распределение прав собственности не влияет на итоговое размещение ресурсов, когда агенты могут торговать друг с другом с минимальными трансакционными издержками. Но предположения, необходимые для выполнения теоремы, как симметричная информация, трансферабельная полезность и отсутствие значимых трансакционных издержек, могут оказаться нереалистичными для рынка брака/развода. Однако теорема Коуза предсказывает незначительное изменение количества разводов.

Stevenson, Wolfers (2007) [117] приводят ряд эмпирических работ, в которых исследовалось, действительно ли односторонние законы о разводе, привели к росту числа разводов. Оказывается, что авторы часто приходят к противоречивым результатам (Peters, 1986 [118], 1992 [119], Allen, 1992 [120]). Стоит, однако, подчеркнуть, что большинство авторов все же считает, что либерализация законов о разводе если и имела влияние на уровень разводов, то малое: эти реформы объясняют очень небольшую часть увеличения количества разводов за последние полвека.

Wolfers (2006) [121] рассматривал уровни развода при разных законах о разводе в различных штатах США в период с 1956 по 1998 годы. Он обнаружил, что количество разводов резко возросло в течение двух лет после принятия односторонних законов о разводе из-за того, что суды на первых порах после принятия этих законов удовлетворяли отложенный спрос на развод. Впоследствии количество разводов вернулось к прежнему уровню, и через десять лет после этих реформ не было замечено какого-либо заметного влияния реформ на количество разводов.

Теорема Коуза прогнозирует не только незначительные изменения в показателях развода, она также предсказывает изменения в распределении ресурсов внутри домохозяйства, ведь правовые перемены влияют на опции супругов вне брака, и, следовательно, на их переговорные позиции. Stevenson, Wolfers (2006) [122] обнаружили, что самоубийства среди женщин и бытовое насилие снизились в штатах, которые приняли односторонние законы о разводе. Они интерпретируют эти результаты как свидетельства того, что односторонние законы о разводе изменили переговорные позиции женщин.

Изменение законодательства также могли повлиять на вероятность вступления в брак и на принятие межвременных решений в браке. Rasul (2006) [123] считает, что снижение выгод от брака из-за одностороннего права на развод привело к уменьшению числа заключенных браков. Stevenson (2007) [124] отмечает сложности заключения межвременных контрактов внутри браков в случае, если брак может быть расторгнут в одностороннем порядке. Проанализировав выборку из молодоженов, он также пришел к выводу, что принятие законов об одностороннем разводе привело к уменьшению или откладыванию нескольких форм инвестирования, которые являются, по крайней мере, частично специфическими для людей, состоящих в браке (например, планирование беременности, бытовую специализацию и финансовую поддержку образования супруга).

Семейное законодательство оказывает влияние не только на стимулы к браку, переговорные позиции супругов и т.п., но также оказывает значительное влияние на финансовые решения домохозяйств, планирование семьи, их инвестиции в человеческий капитал детей и родителей, сосуществуя с традициями, социальными или религиозными нормами, принятыми в сообществе. К сожалению, большинство исследований сосредоточено на «внутренних» факторах домохозяйства и его членах: пол, возраст, уровень образования, доход, и пр. Возможно, траектория семейной жизни/ брака в большей степени формируется за счет «внешних» изменений. Например, Stevenson, Wolfers (2007) [117] проводят подробное исследование американских домохозяйств и выделяют несколько тенденций, имеющих место на брачном рынке за последние несколько десятилетий. Среди них:

- растущий возраст вступления в первый брак,
- рост разводов, сопровождающийся высокими темпами повторного вступления в брак,

- повышающееся долголетие и уменьшение разницы в возрасте между мужьями и женами,
- распространение сожительства, которое все чаще становится широко используемым шагом на пути к браку,
- рост внебрачной рождаемости (что согласуется со снижением числа "вынужденных" браков).

Также приводятся наиболее значимые факторы, объясняющие наблюдаемые изменения в поведении мужчин, женщин и, как следствие, изменение поведения внутри и вне домохозяйств:

- снижение рыночной дискриминации в отношении женщин и технологические достижения,
- увеличение свободного времени и богатства вместе с изменением среды, определяющей сексуальные отношения.

Другими словами, это те самые «внешние» изменения, связанные с технологией контроля над рождаемостью, технологиями в домашнем хозяйстве, структурой заработной платы, правовой структурой брака, шоками функций матчинга на брачном рынке, и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Домохозяйство является одним из трех основных экономических агентов. Взаимодействие лиц, составляющих домохозяйство, принимающих индивидуальные и коллективные решения, зависит от внутренних и внешних условий. В данном отчете были рассмотрены основные направления исследований в экономике домашних хозяйств, включающие принятие решений семьей или домохозяйством о потреблении и сбережении, распределении времени и инвестиций в человеческий капитал, вопросы, связанные с браком, разводом, рождаемостью и выходом на пенсию, влияние социальных факторов на эти решения и т.п. Данная работа помогает ответить на многие вопросы, связанные с поведением домохозяйства. Однако мы сталкиваемся с еще большим количеством вопросов, для которых, безусловно, необходимы не только теоретические, но и эмпирические исследования. К сожалению, в России и в мире имеет место недостаток подробных данных на микро-уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Christiansen C., Joensen J. S., Rangvid J. Understanding the effects of marriage and divorce on financial investments: the role of background risk sharing //Economic Inquiry. – 2015. – Vol. 53. – №. 1. – P. 431-447.
- 2 Becker G. S. A theory of marriage: Part I //Journal of Political economy. – 1973. – Vol. 81. – №. 4. – P. 813-846.
- 3 Becker G. S. A theory of marriage: Part II //Journal of political Economy. – 1974. – Vol. 82. – №. 2, Part 2. – P. S11-S26.
- 4 Becker G. S. A Treatise on the Family (Revised and enlarged edition). – 1991.
- 5 McElroy M. B., Marjorie B. Horney M. J. Nash-bargained household decisions: Toward a generalization of the theory of demand //International economic review. – 1981. – P. 333-349.
- 6 Manser M., Brown M. Marriage and household decision-making: A bargaining analysis //International economic review. – 1980. – P. 31-44.
- 7 Lundberg S. J., Pollak R. A., Wales T. J. Do husbands and wives pool their resources? Evidence from the United Kingdom child benefit //Journal of Human resources. – 1997. – P. 463-480.
- 8 Dalton M., Hotz J. V., Thomas D. Resources, composition, and family-decision making. – Working Paper, 2014.
- 9 Altonji J. G., Hayashi F., Kotlikoff L. J. Is the extended family altruistically linked? Direct tests using micro data //The American Economic Review. – 1992. – P. 1177-1198.
- 10 Hayashi F., Altonji J., Kotlikoff L. Risk-Sharing between and within Families //Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1996. – P. 261-294.
- 11 Altonji J. G., Hayashi F., Kotlikoff L. The effects of income and wealth on time and money transfers between parents and children. – National Bureau of Economic Research, 1996. – №. 5522.
- 12 Altonji J. G., Hayashi F., Kotlikoff L. J. Parental altruism and inter vivos transfers: Theory and evidence //Journal of Political Economy. – 1997. – Vol. 105. – №. 6. – P. 1121-1166.
- 13 Cox D. Motives for private income transfers //Journal of political economy. – 1987. – Vol. 95. – №. 3. – P. 508-546.
- 14 Townsend R. M. Risk and insurance in village India //Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1994. – P. 539-591.
- 15 Udry C. Risk and insurance in a rural credit market: An empirical investigation in northern Nigeria //The Review of Economic Studies. – 1994. – Vol. 61. – №. 3. – P. 495-526.
- 16 Ravallion M., Chaudhuri S. Risk and insurance in village India: Comment //Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1997. – P. 171-184.
- 17 Fafchamps M., Lund S. Risk-sharing networks in rural Philippines //Journal of development Economics. – 2003. – Vol. 71. – №. 2. – P. 261-287.
- 18 Lundberg S., Pollak R. A. Separate spheres bargaining and the marriage market //Journal of political Economy. – 1993. – Vol. 101. – №. 6. – P. 988-1010.
- 19 Ashraf, Karlan и Yin, 2006 - Ashraf N., Karlan D. S., Yin W. Household decision making and savings impacts: further evidence from a commitment savings product in the Philippines. – 2006.
- 20 Hao L., Hotz V. J., Jin G. Z. Games parents and adolescents play: Risky behaviour, parental reputation and strategic transfers //The Economic Journal. – 2008. – Vol. 118. – №. 528. – P. 515-555.
- 21 Coate S., Ravallion M. Reciprocity without commitment: Characterization and performance of informal insurance arrangements //Journal of development Economics. – 1993. – Vol. 40. – №. 1. – P. 1-24.
- 22 Foster A. D., Rosenzweig M. R. Imperfect commitment, altruism, and the family: Evidence from transfer behavior in low-income rural areas //Review of Economics and Statistics. – 2001. – Vol. 83. – №. 3. – P. 389-407.
- 23 Mazzocco M. Household intertemporal behaviour: A collective characterization and a test of commitment //The Review of Economic Studies. – 2007. – Vol. 74. – №. 3. – P. 857-895.
- 24 Sunden A. E., Surette B. J. Gender differences in the allocation of assets in retirement savings plans //The American Economic Review. – 1998. – Vol. 88. – №. 2. – P. 207-211.
- 25 Agnew J., Balduzzi P., Sunden A. Portfolio choice and trading in a large 401 (k) plan //The American Economic Review. – 2003. – Vol. 93. – №. 1. – P. 193-215.
- 26 Jianakoplos N. A., Bernasek A. Are women more risk averse? //Economic inquiry. – 1998. – Vol. 36. – №. 4. – P. 620-630.
- 27 Love D. A. The effects of marital status and children on savings and portfolio choice //Review of Financial Studies. – 2010. – Vol. 23. – №. 1. – P. 385-432.

- 28 Bertocchi G., Brunetti M., Torricelli C. Marriage and other risky assets: A portfolio approach //Journal of Banking & Finance. – 2011. – Vol. 35. – №. 11. – P. 2902-2915.
- 29 Haliassos M., Bertaut C. C. Why do so few hold stocks? //the economic Journal. – 1995. – P. 1110-1129.
- 30 Bertaut C. C. Stockholding behavior of US households: Evidence from the 1983–1989 survey of consumer finances //Review of Economics and Statistics. – 1998. – Vol. 80. – №. 2. – P. 263-275.
- 31 Guiso L., Haliassos M., Jappelli T. Household stockholding in Europe: where do we stand and where do we go? //Economic Policy. – 2003. – Vol. 18. – №. 36. – P. 123-170.
- 32 Bodie Z., Merton R. C., Samuelson W. F. Labor supply flexibility and portfolio choice in a life cycle model //Journal of economic dynamics and control. – 1992. – Vol. 16. – №. 3-4. – P. 427-449.
- 33 Viceira L. M. Optimal portfolio choice for long-horizon investors with nontradable labor income //The Journal of Finance. – 2001. – Vol. 56. – №. 2. – P. 433-470.
- 34 Cocco J. F., Gomes F. J., Maenhout P. J. Consumption and portfolio choice over the life cycle //Review of financial Studies. – 2005. – Vol. 18. – №. 2. – P. 491-533.
- 35 Hong H., Kubik J. D., Stein J. C. Social interaction and stock-market participation //The journal of finance. – 2004. – Vol. 59. – №. 1. – P. 137-163.
- 36 Christiansen C., Joensen J. S., Rangvid J. Are economists more likely to hold stocks? //Review of Finance. – 2008. – Vol. 12. – №. 3. – P. 465-496.
- 37 Chiappori P. A. Rational household labor supply //Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1988. – P. 63-90.
- 38 Chiappori P. A. Introducing household production in collective models of labor supply //Journal of Political Economy. – 1997. – T. 105. – №. 1. – C. 191-209.
- 39 Apps P. F., Rees R. Collective labor supply and household production //Journal of political Economy. – 1997. – Vol. 105. – №. 1. – P. 178-190.
- 40 Thomas D. Intra-household resource allocation: An inferential approach //Journal of human resources. – 1990. – P. 635-664.
- 41 Browning M. et al. Income and outcomes: A structural model of intrahousehold allocation //Journal of political Economy. – 1994. – Vol. 102. – №. 6. – P. 1067-1096.
- 42 Knight F. H. Risk, Uncertainty, and Profit // Boston, MA: Hart, Schaffner & Marx; Houghton Mifflin Co. 1921.
- 43 Modigliani F., Brumberg R. Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of the Cross-Section Data. In: Kurihara K (ed) Post-Keynesian Economics // Rutgers University Press, New Brunswick. 1954.
- 44 Friedman M. A Theory of the Consumption Function // Princeton University Press, Princeton. 1957.
- 45 Kahneman D., Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. New Series. 1974. Vol. 185. № 4157. pp. 1124-1131.
- 46 Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. №. 2. pp. 263-292.
- 47 Browning M., Lusardi A. Household saving: micro theories and macro facts // Journal of Economic Literature. 1996. Vol. 34. pp.1797-1855.
- 48 Hall R.E. Stochastic Implications of the Life Cycle Permanent Income Hypothesis: Theory and Evidence // Journal of Political Economy. 1978. Vol. 86. pp. 971-987.
- 49 Hall R.E. Mishkin F.S. The sensitivity of consumption to transitory income: estimates from panel data on households // Econometrica. 1982. Vol.50. №.2. pp. 461-481.
- 50 Schechtman J., Escudero V.L.S. Some results on an income fluctuation problem' // Journal of Economic Theory. 1977. Vol. 16 (2). P. 151-166.
- 51 Deaton A. Saving and liquidity constraints // Econometrica. 1991. Vol. 59. №. 5. P. 1221-1248.
- 52 Deaton A., Paxson C. Saving, Aging, and Growth in Taiwan // Studies in the Economics of Aging, University of Chicago Press. 1994.
- 53 Carroll C. D. (1997). Buffer-stock saving and the life cycle / permanent income hypothesis // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112 (1). pp. 1–55.
- 54 Carroll C.D., Samwick A.A. The Nature of Precautionary Wealth // Journal of Monetary Economics. 1997. Vol. 40 (1). pp. 41-71.
- 55 Sandmo A. The effect of uncertainty on saving decisions // Review of economic studies. 1970. Vol. 37. pp. 353-360.

- 56 Kimball M. S. Precautionary saving in the small and in the large // *Econometrica*. 1990. Vol. 58. pp.53-73.
- 57 Kimball M.S. Standard Risk aversion // *Econometrica*. 1993. Vol. 61. pp. 589-611.
- 58 Guiso L, Jappelli T., Terlizzese D. (1992) Earnings Uncertainty and Precautionary Saving. *Journal of Monetary Economics* 30:307-337.
- 59 Lusardi A (1998) On the Importance of the Precautionary Saving Motive. *American Economic Review Papers and Proceedings* 88(2):449-453.
- 60 Merrigan P, Normandin M (1996) Precautionary Saving Motives: An Assessment from UK Time Series of Cross-Sections. *Economic Journal* 106:1193-1208.
- 61 Banks J., Blundell R., Brugiavini A. Risk pooling, precautionary saving and consumption growth // *The Review of Economic Studies*. – 2001. – T. 68. – №. 4. – C. 757-779.
- 62 Kuehlwein M. A test for the presence of precautionary saving // *Economics letters*. – 1991. – T. 37. – №. 4. – C. 471-475
- 63 Carroll C. D., Samwick A. A. How important is precautionary saving? // *The Review of Economics and Statistics*. – 1998. – T. 80. – №. 3. – C. 410-419.
- 64 Guariglia A. Saving Behaviour and Earnings Uncertainty: Evidence from the British Household Panel Survey // *Journal of Population Economics*. – 2001. – Vol. 14. - №. 4. – P. 619-634.
- 65 Jappelli T., Padula M., Pistaferri L. A direct test of the buffer-stock model of saving // *Journal of the European Economic Association*. – 2008. – T. 6. – №. 6. – C. 1186-1210.
- 66 Fulford Scott L. The surprisingly low importance of income uncertainty for precaution // *European Economic Review*. – 2015. – Vol. 79. – P. 151–171.
- 67 Guvenen F., Smith A. Inferring labor income risk from economic choices: An indirect inference approach. – National Bureau of Economic Research, 2010. – №. w16327.
- 68 Swanson E. T. Risk aversion and the labor margin in dynamic equilibrium models // *The American Economic Review*. – 2012. – T. 102. – №. 4. – C. 1663-1691.
- 69 Badel A., Huggett M. Interpreting life-cycle inequality patterns as an efficient allocation: Mission impossible? // *Review of Economic Dynamics*. – 2014. – T. 17. – №. 4. – C. 613-629.
- 70 De Nardi M., French E., Jones J. B. Why do the elderly save? The role of medical expenses // *Journal of Political Economy*. – 2010. – T. 118. – №. 1. – C. 39-75.
- 71 Chamon M., Liu K., Prasad E. Income uncertainty and household savings in China // *Journal of Development Economics*. – 2013. – T. 105. – C. 164-177.
- 72 Gale D., Shapley L. S. College admissions and the stability of marriage // *The American Mathematical Monthly*. – 1962. – T. 69. – №. 1. – C. 9-15.
- 73 Becker G. Assortative mating in marriage markets // *A treatise on the family*. – 1991. – Vol. 2. – P. 108-134.
- 74 Chiappori P. A. Collective labor supply and welfare // *Journal of political Economy*. – 1992. – Vol. 100. – №. 3. – P. 437-467.
- 75 Lundberg S., Pollak R. A. Noncooperative bargaining models of marriage // *The American Economic Review*. – 1994. – Vol. 84. – №. 2. – P. 132-137.
- 76 Chiappori P. A. Nash-bargained households decisions: a comment // *International Economic Review*. – 1988. – Vol. 29. – №. 4. – P. 791-796.
- 77 Bourguignon F., Chiappori P. A. Collective models of household behavior: An introduction // *European Economic Review*. – 1992. – Vol. 36. – №. 2-3. – P. 355-364.
- 78 Barham V., Devlin R. A., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // *European Economic Review*. – 2009. – Vol. 53. – №. 1. – P. 93-106.
- 79 Shimer R., Smith L. Assortative matching and search // *Econometrica*. – 2000. – Vol. 68. – №. 2. – P. 343-369.
- 80 Roth D. A theory of partnership dynamics // *Games and Economic Behavior*. – 1996. – Vol. 12. – №. 1. – P. 95-112.
- 81 Schultz T. W. Fertility and economic values // *Economics of the family: Marriage, children, and human capital*. – University of Chicago Press, 1974. – C. 3-22.
- 82 Aizer A., Cunha F. The production of human capital: Endowments, investments and fertility. – National Bureau of Economic Research, 2012. – №. w18429.
- 83 Olds D. L. et al. Home visiting by paraprofessionals and by nurses: a randomized, controlled trial // *Pediatrics*. – 2002. – Vol. 110. – №. 3. – P. 486-496.
- 84 Campbell F. A. et al. Young adult outcomes of the Abecedarian and CARE early childhood educational interventions // *Early Childhood Research Quarterly*. – 2008. – Vol. 23. – №. 4. – P. 452-466.

- 85 Heckman J. et al. Analyzing social experiments as implemented: A reexamination of the evidence from the HighScope Perry Preschool Program //Quantitative economics. – 2010. – Vol. 1. – №. 1. – P. 1-46.
- 86 Conti G. et al. Primate evidence on the late health effects of early-life adversity //Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2012. – Vol. 109. – №. 23. – P. 8866-8871.
- 87 Grantham-McGregor S. et al. The Long-Term Follow-up of Severely Malnourished Children Who Participated in an Intervention Program //Child development. – 1994. – Vol. 65. – №. 2. – P. 428-439.
- 88 Behrman J. R. et al. Nutritional supplementation in girls influences the growth of their children: prospective study in Guatemala //The American journal of clinical nutrition. – 2009. – Vol. 90. – №. 5. – P. 1372-1379
- 89 Currie J., Thomas D. Early test scores, socioeconomic status and future outcomes. – National bureau of economic research, 1999. – №. 6943.
- 90 McLeod J. D., Kaiser K. Childhood emotional and behavioral problems and educational attainment //American Sociological Review. – 2004. – Vol. 69. – №. 5. – P. 636-658.
- 91 Becker G. S., Tomes N. Human capital and the rise and fall of families //Journal of labor economics. – 1986. – Vol. 4. – №. 3, Part 2. – P. S1-S39.
- 92 Cunha F., Heckman J. The technology of skill formation. – National Bureau of Economic Research, 2007. – №. w12840.
- 93 Heckman, James J., and Thomas MaCurdy. 1980. "A Life Cycle Model of Female Labour Supply." Rev. Econ. Studies 47:47–74.
- 94 Hotz, V. J., and R. A. Miller. 1988. "An Empirical Analysis of Life Cycle Fertility and Female Labor Supply." Econometrica 56:91–118.
- 95 Eckstein Z., Wolpin K. I. Dynamic labour force participation of married women and endogenous work experience //The Review of Economic Studies. – 1989. – T. 56. – №. 3. – C. 375-390.
- 96 Van der Klaauw W. Female labour supply and marital status decisions: A life-cycle model //The Review of Economic Studies. – 1996. – T. 63. – №. 2. – C. 199-235.
- 97 Gould E. D. Marriage and career: The dynamic decisions of young men //Journal of Human Capital. – 2008. – T. 2. – №. 4. – C. 337-378.
- 98 Korenman S., Neumark D. Does marriage really make men more productive? //Journal of Human Resources. – 1991. – C. 282-307.
- 99 Fernández R., Rogerson R. Sorting and long-run inequality //The Quarterly Journal of Economics. – 2001. – T. 116. – №. 4. – C. 1305-1341.
- 100 Fernandez R., Guner N., Knowles J. Love and Money: A Theoretical and Empirical Analysis of Household Sorting and Inequality // Quarterly Journal of Economics. - 2005. – Vol. 120(1). – P. 273–344.
- 101 Becker G. Human capital, 1964 //National Bureau for Economic Research, New York. – 1975.
- 102 OECD, 2008. Education at a Glance. OECD, Paris
- 103 Psacharopoulos G., Patrinos* H. A. Returns to investment in education: a further update //Education economics. – 2004. – T. 12. – №. 2. – C. 111-134.
- 104 Courtioux P., Gregoir S., Houeto D. Modelling the distribution of returns on higher education: A microsimulation approach //Economic Modelling. – 2014. – T. 38. – C. 328-340.
- 105 Chiappori P.-A., Iyigun M., Weiss Y. Investment in Schooling and the Marriage Market // American Economic Review. – 2009. – Vol. 99(5). – P. 1689–1713.
- 106 Courtioux P., Lignon V. A good career or a good marriage: The returns of higher education in France //Economic Modelling. – 2016. – T. 57. – C. 221-237.
- 107 Ge S. Women's college decisions: how much does marriage matter? //Journal of Labor Economics. – 2011. – T. 29. – №. 4. – C. 773-818.
- 108 Attanasio O. P., Kaufmann K. M. Education choices and returns on the labor and marriage markets: Evidence from data on subjective expectations //Journal of Economic Behavior & Organization. – 2017. – Vol. 140. – C. 35-55.
- 109 Goldin C. The meaning of college in the lives of American women: The past one-hundred years. – National bureau of economic research, 1992. – №. w4099.
- 110 Goldin C., Katz L. F., Kuziemko I. The homecoming of American college women: The reversal of the college gender gap //The Journal of Economic Perspectives. – 2006. – T. 20. – №. 4. – C. 133-133.

- 111 Bailey M. J., Dynarski S. M. Gains and gaps: Changing inequality in US college entry and completion. – National Bureau of Economic Research, 2011. – №. w17633.
- 112 Deb P., Okten C., Osili U. O. Giving to family versus giving to the community within and across generations //Journal of Population Economics. – 2010. – T. 23. – №. 3. – C. 963-987.
- 113 Cox D., Stark O. Intergenerational Transfers and the Demonstration Effect, Boston College. – Department of Economics Working Paper 329, 1998.
- 114 Jellal M., Wolff F. C. Shaping intergenerational relationships: the demonstration effect //Economics Letters. – 2000. – T. 68. – №. 3. – C. 255-261.
- 115 Grawe N. D., Mulligan C. B. Economic interpretations of intergenerational correlations //The Journal of Economic Perspectives. – 2002. – T. 16. – №. 3. – C. 45-58.
- 116 Becker, Landes и Michael (1977) - Becker G. S., Landes E. M., Michael R. T. An economic analysis of marital instability //Journal of political Economy. – 1977. – Vol. 85. – №. 6. – P. 1141-1187.
- 117 Stevenson B., Wolfers J. Marriage and divorce: Changes and their driving forces //The Journal of Economic Perspectives. – 2007. – Vol. 21. – №. 2. – P. 27-52.
- 118 Peters H. E. Marriage and divorce: Informational constraints and private contracting //The American Economic Review. – 1986. – Vol. 76. – №. 3. – P. 437-454.
- 119 Peters H. E. Marriage and divorce: Reply //The American Economic Review. – 1992. – Vol. 82. – №. 3. – P. 686-693.
- 120 Allen D. W. Marriage and divorce: Comment //The American Economic Review. – 1992. – Vol. 82. – №. 3. – P. 679-685.
- 121 Wolfers J. Did unilateral divorce laws raise divorce rates? A reconciliation and new results //The American Economic Review. – 2006. – Vol. 96. – №. 5. – P. 1802-1820.
- 122 Stevenson B., Wolfers J. Bargaining in the shadow of the law: Divorce laws and family distress //The Quarterly Journal of Economics. – 2006. – T. 121. – №. 1. – C. 267-288.
- 123 Rasul I. The impact of divorce laws on marriage //Unpublished manuscript, University of Chicago. – 2004.
- 124 Stevenson B. The impact of divorce laws on marriage-specific capital //Journal of Labor Economics. – 2007. – Vol. 25. – №. 1. – P. 75-94.